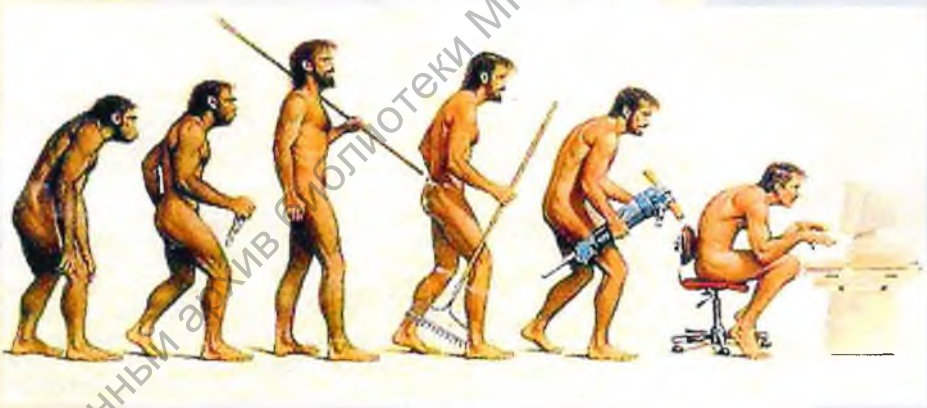
А.Л. Старовойтов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ



Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
"МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А.А. КУЛЕШОВА"

А.Л. Старовойтов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

КУРС ЛЕКЦИЙ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Могилев 2010

УДК 159.9:93/94
ББК 88.5
С77

Печатается по решению редакционно-издательского совета УО «МГУ им. А.А. Кулешова»

Рецензент
кандидат психологических наук заведующая кафедрой педагогики и психологии УО «Могилевский государственный областной институт развития образования» *В.В. Авраменко*

Старовойтов, А.Л.

С77 Историческая психология: курс лекций / А.Л. Старовойтов. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 104 с.

ISBN 978-985-480-653-2

Курс лекций предназначен для студентов, обучающихся по специальности 1-02 01 02-06 «История. Социально-политические дисциплины», составлен автором на основе Образовательного стандарта Республики Беларусь ОСРБ 1-02 01 02-2008 первой ступени высшего образования, содержит тексты лекций и списки литературных источников для самостоятельной подготовки по каждой изучаемой теме.

УДК 159.9:93/94
ББК 88.5

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

© Старовойтов, А.Л., 2010
© Оформление.
УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010

ISBN 978-985-480-653-2

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Настоящий курс лекций «Историческая психология» имеет цель сформировать у студентов исторического факультета знания об участии современной психологической науки в познании прошлого (исторический аспект) и о возможности использования культурно-исторических исследований для понимания социокультурных ориентиров современного общества и человека (социально-психологический и психогенетический аспекты).

В задачи лекционного курса входит: представить основные направления исторической психологии; обозначить объектно-предметную сферу, теоретические предпосылки и методологические ресурсы; обсудить особенности психолого-исторического понимания психики и личности; рассмотреть ментальные образы отдельных исторических эпох и периодов, представить основные особенности их психологического склада.

В результате усвоения лекционного курса студент должен знать основные научные подходы и теории историко-психологических исследований, базовые понятия историко-психологического знания, сущность изменений психики и личности человека, а также мотивации человеческих поступков во времени. Это позволит студентам в ходе семинарских занятий осуществлять самостоятельные исследовательские разработки психо- и культурогенеза отдельных исторических эпох и периодов.

Дальнейшая самостоятельная работа студентов с литературными источниками может выполняться с опорой на приведенные здесь учебники, учебные пособия, монографии и научные статьи.

В результате усвоения курса «Историческая психология» студент должен уметь характеризовать процесс историко-психологического познания, раскрывать личностно-значимые компоненты всемирной истории, анализировать историко-психологические ситуации различных исторических эпох, использовать полученные знания для решения общих и специальных профессиональных задач.

При составлении курса лекций в качестве методологического ориентира и содержательного источника использованы учебные пособия В.А. Шкуратова «Историческая психология» (1994, 1997), его монография «Психика. Культура. История» (1990), а также учебное пособие Бобровой Е.Ю. «Основы исторической психологии» (1997).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Раздел 1

МЕСТО И РОЛЬ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Тема 1. Предмет исторической психологии и ее место в системе современного гуманитарного знания

Осмысление исторических перемен нашего времени, стремление объяснить развитие исторической мысли стимулирует внимание гуманитариев к вопросам о роли и месте личности в истории, о влиянии исторических событий на жизнь современника. Возникший в настоящее время интерес к вопросу о роли личности в истории, о взаимосвязях исторических и психологических феноменов свидетельствует о распространении в научном и обыденном сознании гуманистического восприятия истории.

К настоящему времени имеется множество вариантов понимания исторической психологии и идеологии этой дисциплины. В соответствии с современными представлениями об «истории» как о процессе развития природы и общества *историческая психология* определяется как наука, изучающая психику человека в зависимости от исторической эпохи.

Предметом исторической психологии являются психологические характеристики человека в зависимости от характеристик исторической эпохи: психологические особенности человека как субъекта познания и деятельности в зависимости от исторических условий, историческое своеобразие личности в данную историческую эпоху.

В основе представления о взаимодействии истории и психики человека находится идея об активной роли человека в историческом процессе, представление о человеке как об историческом деятеле – как носителе творческого, созидающего историческую ситуацию начала. Историческая психология реализует антропоцентристский и гуманитарный подход к истории, сущность которого заключается в следующем: человек является главным действующим лицом в истории, и для адекватного понимания исторического процесса следует изучать психику человека, с другой стороны – соци-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

альные, политические, экономические и культурные особенности исторического периода являются факторами, влияющими на процесс формирования личности. Гуманистическое восприятие исторического процесса, идея исторической изменчивости человеческой психики объединяет разрозненные исследования в рамки исторической психологии.

Место, которое займет историческая психология в системе современного гуманитарного знания, определяется не столько научной значимостью исследования историко-психологических закономерностей, сколько их возможным прикладным эффектом. Возможны следующие варианты использования результатов историко-психологических исследований в психологической науке и практике:

1. Знания историко-психологических закономерностей могут способствовать решению комплексных научных проблем, актуальных в настоящее время: формирование и развитие современного гражданина, прогнозирование социального поведения людей, исследование историко-психологических тенденций развития личности в условиях экономического, политического и духовного кризисов. Большую актуальность приобретают исследования поколенческой специфики личности представителей различных поколений граждан общества, определяющей многочисленные личностные проявления, в том числе социальное и политическое поведение различных поколений в изменяющихся социальных условиях.

2. Результаты историко-психологических исследований могут использоваться в политическом анализе, прогнозе и политической практике. Особое значение имеет историко-психологический подход к политическим явлениям. За годы реформ сформировался определенный тип политической культуры, который характеризуется массовой политизацией. Процесс формирования массового политического поведения определяется совокупностью исторических, политических и психологических факторов, и, соответственно, психологический анализ массовых политических явлений требует комплексного психологического подхода. Например, изучение и понимание феномена массовой политизации невозможно без исторической реконструкции моделей социального поведения и мировоззрения, свойственных представителям политизированных социальных групп, без анализа историко-психологических предпосылок политического поведения, без исследования поколенческой специфики политизированных личностей. Так, например, для объяснения различия политического сознания и поведения «шестидесятников» и поколения «ветеранов» необходимо провести историко-психологическое исследо-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вание этих поколений, выявляющее специфический для представителей того или иного поколения жизненный опыт. Использование данных исторической психологии в политической науке и практике может повысить эффективность анализа и прогнозирования политического процесса.

3. Сведения исторической психологии представляют интерес для проведения практических исследований не только в смежных научных областях, таких, как политическая психология, этническая и социальная психологии, но и в более «отдаленных» отраслях психологии, например, в медицинской психологии. Речь идет о включении в практику психотерапевтических служб сведений о психологических и психопатологических тенденциях развития личности в современную эпоху, информации о свойственных определенному историческому типу личности неврозах, о типичных деформациях личности.

4. Результаты историко-психологических исследований могут эффективно использоваться в качестве теоретической и методической базы кросс-культурных исследований. Знание закономерностей формирования исторического своеобразия личности предоставляет интересные возможности для выявления и сравнения психологических особенностей людей, принадлежащих к различным культурам, для разработки адекватных психологических и социально-психологических методик оптимизации общения представителей разных культур и понимания их друг другом.

Литература по теме:

1. *Белявский, И.Г., Шкуратов, В.А.* Проблемы исторической психологии / И.Г. Белявский, В.А. Шкуратов. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1982. – 224 с.
2. *Белявский, И.Г.* Развитие психолого-исторических представлений / И.Г. Белявский. – Киев: Наукова думка, 1988. – 70 с.
3. *Поршнев, Б.Ф.* Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1966. – 211 с.
4. *Поршнев, Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
5. *Февр, Л.* История и психология // Л. Февр. Бой за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 97-109.
6. *Шкуратов, В.А.* Психика. Культура. История. (Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии) / В.А. Шкуратов. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1990. – 251 с.
7. *Шкуратов, В.А.* Историческая психология / В.А. Шкуратов. – Ростов н/Д.: Изд-во «Город N», 1994. – 288 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Тема 2. Основные этапы развития историко-психологической мысли

Возникновение исторической психологии как самостоятельной научной дисциплины связано с формированием и распространением в общественном и научном сознании гуманистического восприятия истории, идеи социокультурной обусловленности психических процессов и свойств, культурно-исторического своеобразия личности, а также с идеей исторического измерения психологических явлений. Перечисленные мировоззренческие предпосылки исторической психологии сложились в результате развития в гуманитарных науках XIX в. определенных философских и научных тенденций:

1. В научном сознании XIX в. прочно утверждается представление об истории как о процессе общественного развития. Это представление связано с развитием историко-генетического метода как общенаучного метода анализа природных и социальных явлений. Принцип историзма в анализе любого объекта предполагает соблюдение следующих аналитических операций: исследование происхождения объекта, процесса его становления, знание общих законов, которыми этот процесс управляется, рассмотрение объектов в конкретных исторических условиях и связях.

Использование исторического метода приводит к расширению временных и дисциплинарных рамок исследования социальных и психологических явлений. Важнейшим в исторической науке становится вопрос о законах исторического процесса, для чего выявляются биологические, климатические, географические и психологические факторы исторического процесса. Для психологической науки XIX в. введение исторического измерения означало выход за пределы непосредственного опыта, использование метода косвенного наблюдения. В психологические исследования включаются явления культуры, политики, что является вполне типичным для гуманитарных наук XIX в.

2. К середине XIX в. изменяется объект социально-исторических исследований. В значительной мере под влиянием Великой Французской революции сфера интересов историков и социологов смещается в область массовых движений. Проблемы, связанные с проявлением активности народных масс, изучаются историками, психологами, медиками, социологами на протяжении всего XIX в. Философскую традицию эпохи Просвещения, согласно которой субъектом исторического процесса признавалась отдельная личность, сменяет представление о народе как об историческом индивидууме, который

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

порождает язык, нравы и право, и является аналогом личности. Массовидные социальные явления предпочитаются индивидуальным, отдельная личность рассматривается как частица «коллективного индивида», как носитель его свойств, история отдельных стран изучается как история народной жизни. Этот принцип ярко выражен в философии истории Г. Спенсера, О. Конта, в историко-философских рассуждениях Л.Н. Толстого (в романе «Война и мир»), в марксизме.

3. Представление об истории как о результате исторических действий героев и масс, представление о психической деятельности человека как об определяющем факторе общественного развития обуславливает психологизацию социальной науки. Вопросы о психологических причинах массовых действий, о соотношении стихийности и сознательности в поведении героев и масс, о влиянии психологических особенностей исторических деятелей на ход исторического процесса и о влиянии массовых действий на ход истории становятся центральными проблемами исторических и социальных исследований.

4. Анализ первобытных культур, открытых археологией и этнографией в XIX в., изучение обычаев, культуры, языка, искусства различных народов и эпох, использование исторического метода для исследования социальных и психических явлений закрепляет в научном и обыденном сознании идею культурно-исторических и психических различий людей и обществ в различные исторические эпохи.

Эти теоретические положения послужили методологической основой для первых историко-психологических исследований.

Реализация идеи психологизации истории начинается с поиска естественных проявлений человеческой природы в исторических событиях, с поиска проявлений «народного духа» в историческом процессе, что порождает представление об истории как психологическом явлении. «Мировая история для нас является историей человечества, а в еще более тесном смысле она даже является, в конечном счете, историей человеческого духа, – напишет **В. Вундт** (см. Персоналии) в переведенной на русский язык в 1912 г. монографии «Элементы психологии народов», – поэтому существенным содержанием истории являются события, вытекающие из духовных мотивов человеческого поведения; и это содержание, в то же время сообщает во взаимной связи и в изменении мотивов этим событиям ту внутреннюю непрерывность, которую мы требуем для всякой истории» [4, с. 298].

Акцент на процессуальности как атрибуте истории (исторический процесс представляется подобно эволюционным моделям органической природы, как, главным образом, процесс развития челове-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ческих достижений, культуры, мифотворчества, обычаев, науки, искусства) серьезно повлиял на содержание первых историко-психологических объяснительных моделей. В рамках представления о психике как о некотором множестве психических процессов и в пределах общепсихологической теории создается специальный понятийный аппарат. Для обозначения множества «духовных» исторических явлений используются названия отдельных психических процессов, «соответствующих» специфике выделенных элементов, а по аналогии с интегральной психологической категорией «психика» разрабатывается новая категория – «народный дух».

Научная традиция психологической интерпретации исторического процесса и включения в психологическое исследование исторических материалов, характеризующих развитие культуры, языка, образа жизни отдельных народов, для объяснения и понимания их истории была заложена первыми историко-психологическими исследованиями, проведенными в рамках народной психологии, основанной в 1950-х гг. в Германии Х. Штейнталем и **М. Лацарусом**. По мнению основателей новой науки целью «народной психологии» является изучение методами психологической, филологической, исторической и философской наук феномена «народного духа». «Народный дух» рассматривался как особый склад мыслей и чувств, свойственный данному народу, и проявляющийся в народной жизни в совместных действиях людей, составляющих данную общность. Объектами «народной психологии» считались мифология, религия, культура, наука, народное творчество и обычаи, для изучения которых проводились аналогии с психическими процессами [8]. Понятием «народный дух» обозначается сходство, одинаковость сознания множества людей, которое возникает «сперва из многих внешних условий одинакового происхождения и близости места жительства. Но еще важнее, - считают создатели народной психологии, – что через одинаковость рождения судьбы должны быть одинаковы» [8, с. 259].

Включение в психологическое исследование материалов историко-этнографического характера, попытка выйти за пределы непосредственно наблюдаемых явлений, попытка описать и объяснить массовые и обыденные представления, предпринятая немецкими учеными являлась, безусловно, революционной и открыла большие перспективы для психологической науки. Однако, это направление получило весьма одностороннее развитие: исследование языка, культуры, религии, мифологии в историческом и психологическом плане становится в основном прерогативой этнографов и языковедов, как например, исследования русского языковеда А.А. Потебни.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Следующий важнейший опыт теоретического описания «психологии народов» предпринял известный немецкий психолог В. Вундт, который разработал обширную программу исследований в этой области. В фундаментальном 10-томном труде «Психология народов. Исследование закона развития языка, мифов и обычаев» (1900 – 1920) В. Вундт развивает идею своих предшественников о психологическом исследовании явлений народной культуры как продукта духовной деятельности народа, как проявления «народной души». Рассматривая психологию народов как часть психологии, В. Вундт распространяет на исследования в этой области методы индивидуальной психологии. В каждом классе духовных и материальных явлений он ищет объективацию определенной психической функции: «язык содержит в себе особую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи. Миф таит в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствами и влечениями. Обычаи представляют собой возникшие из их представлений и влечений общие направления воли» [3, с. 32]. Уже в 1863 г. в «Лекции о душе человека и животных» В. Вундт обосновывает необходимость наряду с экспериментальной психологией психологии культурно-исторической, поскольку именно психология народов может разрешить «проблемы психогенезиса»: «психология народов ведет нас по пути истинного психогенезиса, изучая различные ступени духовного развития, на которых еще и теперь находится человечество. Она показывает здесь нам замкнутое первобытное состояние, от которого, благодаря почти непрерывному ряду промежуточных ступеней, можно перебросить мост к более сложным и более высоким культурам. Таким образом, психология народов есть в полном смысле слова психология развития» [3, с. 11].

Исторический метод, лишь обозначенный у предшественников, является для В. Вундта основным методом исследования в рамках народной психологии. В. Вундт считает, что для решения проблемы развития психики, для обнаружения законов психического развития существует два пути:

- «брать одно за другим отдельные важные явления общественной жизни и рассматривать их в их развитии, подобно тому, как это обычно делает общая психология при анализе индивидуального сознания»;
- «употребляя прежнее сравнение, проводить не продольные, а поперечные разрезы, причем мы будем рассматривать одну за другой плавные ступени народно-психологического развития и каждую из них во всей взаимной связи ее явлений» [3, с. 12].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Идея исторического своеобразия человека, то есть психологических различий людей в разные периоды мировой истории человечества была выражена В. Вундтом как историческая периодизация «народно-психологических явлений» по аналогии с развитием индивидуального сознания («поскольку эволюция сознания основана на психологических законах, постольку все возникающее из общности духовной жизни процессы эволюции становятся проблемами самостоятельного психологического исследования») [4, с. 26]. Аналогия между этапом психологического развития человечества и онтогенеза восходит к эволюционной теории Г. Спенсера, который расценивает доисторическое и цивилизованное состояние общества в качестве ступеней онтогенетического развития - как детство и зрелость человека. В. Вундт выделяет четыре ступени развития народов, специфика которых определяется «преобладанием одного из психологических качеств» (представления, чувства, мотивы поведения), около которых группируются народно-психологические явления.

Следующим шагом в изучении историко-психологических закономерностей становится исторический подход к психологическому изучению мышления, памяти, представления, личности французскими психологами **Л. Леви-Брюлем, П. Жане.** Активный научный интерес к историческому изменению обыденных представлений начинается с популярных в 1920-е гг. работ Л. Леви-Брюля, посвященных психологии первобытного человека: «Умственные функции в низших обществах» (1910), «Первобытное мышление» (1922), «Первобытная душа» (1927). С работами Л. Леви-Брюля связано распространение понятия «*ментальность*». Именно здесь впервые слово *mentalite* употребляется не только как традиционное для французской психологии обозначение мышления, но как система коллективных представлений, как определенная направленность мыслей.

Объектом исследований для Л. Леви-Брюля выступают «коллективные представления» (традиции изучения коллективных представлений как самостоятельных психических явлений восходят к социологии **Э. Дюркгейма**). По мнению Л. Леви-Брюля «коллективные представления имеют свои собственные законы, которые не могут быть обнаружены изучением взрослого и цивилизованного человека. Лишь изучение коллективных представлений и их связей и сочетаний в низших обществах сможет пролить свет на генезис наших категорий и логических принципов» [5, с. 5]. Мировоззренческие истоки этого утверждения восходят к позитивистской философии О. Конта, согласно которой «не человечество следует определять исходя из человека, а напротив - человека исходя из человечества», и, следова-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тельно, различным типам общества соответствуют различные формы мышления, и сравнительное изучение разных типов обществ неотделимо от сравнительного изучения коллективных представлений, господствующих в этих обществах [5, с. 6].

В своих работах Л. Леви-Брюль излагает теорию «пралогического мышления», характерного для «архаической психики». Явления «архаической психики», по мнению Л. Леви-Брюля, свойственно не только первобытному человеку, или «отсталым» народам современности, но и цивилизованному человеку в некоторых индивидуальных и коллективных проявлениях (поведение в ситуации неопределенности, угрозы, в религиозных обрядах, в ситуации толпы). «Пралогическое мышление» отличается от логического «современного» мышления специфическим характером связи между представлениями, управляемой законом партиципации (сопричастия): ассоциация мыслительных элементов происходит путем приписывания предметам и явлениям мистических свойств, при этом несколько различных предметов мыслятся как идентичные. Особая форма категоризации обусловливает такие свойства «пралогического мышления» как нечувствительность к противоречиям, непроницаемость для опыта, мистичность содержания (мистицизм).

Исследования Л. Леви-Брюля явились стимулом для изучения психологии первобытного человека, для сравнительно-исторических исследований мышления.

Историческое развитие отдельных психических функций и личности исследовал П. Жане. По мнению французского психолога усложнение и совершенствование психических функций, появление новых форм психической деятельности людей происходит в процессе совместной деятельности. В работе «Развитие памяти и представления о времени» (1928) мнемические действия рассматриваются как произвольные, социальнорегулируемые операции запоминания и воспроизведения информации, значимой в процессе социального взаимодействия. Исторически развитие памяти связано с необходимостью передачи друг другу сведений о наблюдаемых явлениях, с потребностью сотрудничать в условиях пространственного удаления друг от друга. Совершенствование и своеобразие «культурных орудий» (составление, сохранение и воспроизведение рассказа о важнейших событиях в племени, техника запоминания и воспроизведения информации с помощью камешков, узелков и других подручных средств, появление письменности) определило, по мнению П. Жане этапы исторического развития памяти.

П. Жане одним из первых ставит вопрос о проведении генетического исследования личности для улучшения понимания характе-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ристик ее структуры. В рамках историко-генетического понимания П. Жане личность трактуется как формирующийся в ходе истории человеческого общества, в целях, необходимых для этого общества, психологический механизм: «Личность представляется нам как конструкция, человеческое изобретение; как многие вещи, она была создана людьми, которые конструируют как придется, более или менее плохо. Вопрос о том, чтобы определить, как, в какую эпоху, посредством каких переходов могла создаваться эта конструкция» [9, с. 179]. В монографии «Психологическое развитие личности» (1929), описывая процесс становления личности, П. Жане выделяет несколько уровней индивидуального развития личности, соответствующих стадиям развития личности в истории человечества:

- личность как «персонаж» (усвоение и принятие индивидом определенной роли в семье и профессиональной группе);
- личность как «субъект» (образование системы внутренних побуждений к активной социальной деятельности);
- личность как «Я» (надстройка к системе внутренних побуждений системы интересов, определяющих поведение человека);
- личность как «индивидуальность» (появление у человека чувства личной ответственности, оригинальности поведения, прогрессивных тенденций, выражающихся в стремлении содействовать социальному прогрессу).

Сформировавшаяся к началу XX в. общенаучная тенденция антропологизации определила становление множества новых научных дисциплин: культурантропология, этнопсихология, историческая и социальная антропология, этнология, психосоциология. В середине XX в. появляются специальные научные дисциплины, в рамках которых изучается изменчивость человеческой психики в процессе общественного развития, осуществляется психологический подход к историческому процессу – историческая психология во Франции, психоистория в США.

Исходной философской предпосылкой для историко-психологических исследований является признание исторической значимости социальных действий как отдельных личностей, так и социальных групп, изменение социальной действительности рассматривается как результат прежде всего человеческой активности. Использование психологических моделей для изучения исторических событий в значительной мере связано с распространением психоаналитических и бихевиористских теорий. Формированию гуманистического восприятия истории способствовали следующие теоретические положения, непосредственно связанные с психоанализом и бихевиоризмом:

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

– прошлое человеческое поведение может быть изучено научно;
– исторический процесс может быть исследован через понимание законов человеческого поведения;
– для понимания исторической действительности необходимо изучать проявления сферы бессознательного в поведении исторических личностей и народных масс.

В 1948 г. французский психолог **И. Мейерсон** предлагает термин «историческая психология» для обозначения специальной научной дисциплины, изучающей психику человека в конкретно-исторических условиях, изменение психического склада личности в процессе социального развития. Конкретные историко-психологические исследования французских психологов и историков **Ж.-П. Вернана**, М. Детьена, П. Франкастеля, Л. Февра, Р. Мандру, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби посвящены реконструкции мировоззрения, индивидуального и коллективного сознания людей различных эпох, выявлению исторического своеобразия личности, истории чувств и ментальности.

В 1960-х гг. в США формируется *психоистория* – научная дисциплина, в рамках которой осуществляется психологический подход к истории (для объяснения исторических событий и деятелей используются психологические модели), изучаются взаимосвязи между историческими и психологическими феноменами. Американские психоисторики **Л. Демоз**, Б. Мэзлиш, Дж. Ковел, Дж. Плэтт, **Э. Эриксон** и другие в своих исследованиях рассматривают такие проблемы, как влияние психологических особенностей исторических деятелей на исторические события, проблемы психологических истоков распространения различных идеологий, психологических причин социальных революций, национально-освободительных движений.

Литература по теме:

1. *Анцыферова, Л.И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии / Л.И. Анцыферова. – М.: Наука, 1974. – 357 с.
2. *Белявский, И.Г., Шкуратов, В.А.* Проблемы исторической психологии / И.Г. Белявский, В.А. Шкуратов. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1982. – 224 с.
3. *Вундт, В.* Миф и религия / В. Вундт. – М., 1910.
4. *Вундт, В.* Элементы психологии народов. Основные черты психологической истории развития человечества / В. Вундт. – СПб., 1913.
5. *Леви-Брюль, Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М., 1994.
6. *Шкуратов, В.А.* Историческая психология / В.А. Шкуратов. – Ростов н/Д.: Изд-во «Город N», 1994. – 288 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

7. *Шкуратов, В.А.* Психика. Культура. История. (Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии) / В.А. Шкуратов. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1990. – 251 с.
8. *Штейнталь, Х., Лацарус, М.* Мысли о народной психологии / Х. Штейнталь, М. Лацарус // Филологические записки. Воронеж, 1864. – М., 1991. – С. 248-273.
9. *Janet, P.* L'evolution psycholollgique de la personnality. – Paris, 1929.

Раздел 2

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПРИНЦИПЫ И ПОНЯТИЯ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Тема 3. Французская историческая психология

В 1948 г. в Париже опубликована программная работа **И. Мейерсона** «Психические функции и творения», в которой определяются задачи и методы исторической психологии. Тогда же в Париже под его руководством создается Центр исследований по сравнительной исторической психологии, объединивший его учеников и последователей **Ж.-П. Вернана**, Ф. Мальрие, М. Детьена, П. Франкастеля и других французских психологов. Исходной теоретической позицией концепции И. Мейерсона явилось признание изменчивости психики человека в зависимости от исторически изменяющихся форм созидательной деятельности.

Предметом исторической психологии, по мнению И. Мейерсона, является процесс развития отдельных психических функций (восприятия, памяти, мышления, личности) в изменяющихся конкретно-исторических условиях человеческой деятельности. *Теоретической основой* данного научного направления является общепсихологическая концепция, согласно которой психика всегда направлена на объект, создает объект и выражается в нем, и «ключ» к раскрытию своеобразия человека заложен в созидательной деятельности, поскольку единственным способом существования человека является его существование в качестве творца.

Французские исторические психологи выступили преемниками основателей «народной психологии». Несмотря на то, что в их работах фактически не содержится ссылок на авторов «народной психологии», отчетливо прослеживается идейная и философская общность их концепций. Изучение истории языка, искусства, науки, мифоло-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

гии как явлений, имеющих психологическое содержание; изучение эволюции человеческой психики на основе исследования продуктов психической деятельности (социальные и культурные явления), – эти идеи, заложенные основателями «народной психологии», реализуются в методике историко-психологических исследований.

Как считает И. Мейерсон психика возникает, когда человеческое действие превращается в определенную внешнюю реальность (продукт, социальный факт), и возникнув, психика существует как предмет, подчиняющийся законам предметного мира, и ее анализ не может быть чисто психологическим. По мнению И. Мейерсона человеческая личность всегда в чем-то объективирована: в психических реакциях, в поступках, в социальных иерархиях, творениях искусства, орудиях труда. Для обозначения продуктов человеческой деятельности (продуктов труда), в которых человек реализует свое психическое своеобразие и которые, в свою очередь, становятся инструментом для развития как психических функций, так и всей личности, И. Мейерсон использует категорию «творения»: «Все человеческое объективируется и проецируется в творениях, весь физический и социальный опыт и всё то, что в этом опыте и через этот опыт выступает как состояние или функция: аспекты анализа реальности, аспекты мысли, желания, чувства, личность – наиболее абстрактные идеи и наиболее интимные чувства» [9, с. 142]. Понятие «творения» охватывает все аспекты жизни общества: общественные институты, науку, искусство, религию, язык, технологии, знаковые системы.

Анализ исторического развития значений составил основу историко-психологического исследования. Создание психики в представлении И. Мейерсона – это грандиозный необратимый процесс перехода чувственных образов, эмоций в знаки. Поскольку психическая активность трактуется как непрерывное порождение, обогащение, изменение значений, то конкретное исследование должно носить историко-семантический характер.

Одной из центральных проблем историко-психологических исследований во Франции является изучение исторического персоногенеза. *Исторический персоногенез* – процесс исторического формирования личности под влиянием внешних и внутренних факторов психологической организации личности в ту или иную эпоху (например, личностных концептов – представлений о личности, внешних культурных атрибутов конституирования личности - произведений искусства и быта).

Историко-генетическое исследование личности, по мнению французских исторических психологов, необходимо для совершенствова-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ния представления о структуре и функционировании личности. В соответствии с этой идеей, объединяющей множество разрозненных исследований в одну проблемную область (реконструкцию исторического персоногенеза как необходимую для понимания современной структуры личности), французские психологи ориентируются на сравнительно-исторические исследования. По мнению И. Мейерсона исторический метод изучения человека «устраняет допущение вечных категорий, и, в то же время, ставит акцент на проблемах движения, изменений и прогресса» [10, с. 8].

Вопрос об историческом генезисе личности сводится к историческому исследованию личностных концептов как факторов психологической организации личности в ту или иную эпоху, а исследование личности представляет собой сравнительный анализ концептов личности (представлений о личности) в различные исторические эпохи.

Как считают французские исторические психологи, представление каждой эпохи о личности отличается от простого отражения реальности, оно входит в число ее составляющих и является правилом ее построения, нормой, ибо оно соткано из идеологии, которая определяет мероприятия этой эпохи. Обращение к эпохам духовного, политического и экономического кризисов, смены общественных формаций, является принципиальным для этой школы, поскольку, именно в переломные периоды истории проявляются психические сдвиги в личностной сфере человека. По определению И. Мейерсона, «личность – это ощущение своей непрерывности, отождествление себя с источником действия, ощущение и понятие о себе как о существе качественно отличающемся от других, единственном, оригинальном» [там же]. Соответственно, выбираются такие временные периоды, «которые были бы показательны для небольших изменений в отношениях между агентом и его действиями, в отношениях, которые совершенно необходимы для понимания того, чем может быть личность во времени» [10, с. 56].

Проблема психологического эффекта исторических изменений в обществе в исследованиях французских ученых трансформируется в проблему возникновения и изменения представлений о личности и ее месте в мире, отразившихся в материальных и идеальных продуктах человеческой деятельности. Таким образом, воздействие истории на личность опосредуется системой представлений о человеке и мире, о времени и пространстве, которые рассматриваются в качестве факторов развития личности.

Конкретные исследования персоногенеза посвящены выявлению внешних культурных атрибутов конституирования внутреннего един-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ства индивида, и в этом случае объектом исследования являются произведения искусства и быта, художественная, философская, научная литература, исторические свидетельства, в которых, по мнению исторических психологов, запечатлены представления о человеке, о времени и пространстве, составляющие картину мира человека в ту или иную эпоху. Особенное внимание уделяется сравнительному изучению языковых конструкций, поскольку «именно язык помогает развивать поведение личности. Когда изменяются отношения между субъектами общения, изменяется также словарный состав и синтаксис, а развитие языка помогает расширить и закрепить во времени этот новый вид отношений» [10, с. 17].

В анализе личностных концептов, характерных для того или иного исторического периода, выделяются следующие аспекты, которые, по мнению французских ученых, подвержены историческому изменению, которые являются своеобразными творениями, в которых проявляются и формируются структуры создающих эти творения личностей:

1. В какой степени агент-индивид отличает самого себя от мира, в котором он действует?
2. В каких отношениях он со своим телом?
3. Как он рассматривает свою исключительность?
4. Как он рассматривает зависимость своей активности от себя самого и самого себя от своих актов?
5. Какой тип идентичности признает он для себя?
6. В какой степени он чувствует свою зависимость от окружающих, богов, мертвых и живых, грядущих поколений, и какую зависимость он предпочитает? [10].

В соответствии с пониманием закономерности персоногенеза и с представлением о личности как одной из функций человеческой психики исследования исторического персоногенеза и своеобразия личности в различные исторические эпохи сводятся, в основном, к изучению отдельных личностных свойств и проявлений:

- изучение мотивационно-волевой сферы личности (Ж.-П. Вернан);
- изучение и развитие самосознания личности, исторической динамики «Я-концепции» (И. Мейерсон, Г. Ле Бра, Ф. Дрейфус);
- исследование мировоззрения, представлений о времени и пространстве (Д. Коэн);
- изучение поведения через отношения личности к своим действиям (Э. Сурье, Д. Феше);

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

– представления о собственном теле (Х. Хекон);
– исследование развития терминов, обозначающих личность (И. Мейерсон);
– исследование культурно-исторического содержания этапов индивидуального и исторического персоногенеза (Ф. Ариес, Ф. Мальрие).

Одним из приоритетов французских исторических психологов является сравнительно-историческое исследование обыденного сознания, ментальности. Особое значение понятие «ментальность» имеет в рамках психологического направления *французской историографии*, иногда обозначающегося как *«история ментальностей»*.

По мнению российского историка А.Я. Гуревича, работающего в рамках междисциплинарного подхода к изучению человека и развивающего традиции французских историков, *«ментальность»* – это социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, неотрефлектированного и несистематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей теоретиков. Важным признаком ментальности является неосознанность.

Современные исследования в области «истории ментальности», по мнению А.Я. Гуревича, включают множество явлений, обозначаемых понятием «ментальность»:
– отношение членов данного общества и входящих в него классов к труду, собственности, богатству и бедности;
– образ социального целого и оценка разных групп, разрядов, классов и сословий;
– понимание природы права и обычая, значимости права как социального регулятора;
– образ природы и ее познание, способы воздействия на нее (от технических и трудовых до магических);
– понимание места человека в общей структуре мироздания;
– оценка возрастов жизни, в частности, детства и старости, восприятие смерти, болезней, отношение к женщине, роль брака и семьи, сексуальная мораль и практика;
– отношение мира земного и мира трансцендентного, связь между ними и понимание роли потусторонних сил в жизни индивидов и коллективов;
– трактовка пространства и времени;
– восприятие истории и ее направленности (прогресс или регресс, повторение или развитие), при том не одно осмысление

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

истории профессионалами, хронистами, теологами, схоластами, но и более непосредственное переживание ее обыденным сознанием;
- форма религиозности, присущая «верхам» и «низам», образованным и неграмотным;
- психология «людей книги» и психология людей, живущих в условиях господства устного слова;
- социальные фобии и иные негативные эмоции, коллективные психозы и напряженные социально-психологические состояния;
- соотношение «культуры вины» и «культуры стыда», то есть психологическая ориентация на внутренний мир или на социум;
- история праздников, календарных обычаев, ритмизирующих жизнь коллективов;
- осознание национальной, племенной, государственной идентичности, национальные противоречия и заложенные в них стереотипы [5, с. 530-531].

Французские историки, разделяющие представление об истории человечества как об истории человеческих чувств и представлений, а не только как о политической и социальной истории, объединились вокруг журнала «Анналы», основанного в 1929 г. М. Блоком, ориентируясь на концепцию «живой истории», сформулированную историком Л. Февром в конце 1930-х гг. В статье «История и психология», опубликованной в 1938 г. Л. Февр говорит о необходимости исследовать психологические феномены прошлого, эмоции и мысли, чувства и желания прошлых эпох [7, с. 97]. Вместо традиционных для историка фактов, характеризующих действия субъектов социальных преобразований Л. Февр призывает историков изучать данные о духовной жизни прошлого, представления о мире, жизни, религии и политике «исторических коллективов», воссоздать психологическую атмосферу прошлых эпох. Эта идея показалась заманчивой многим историкам, которые занялись «историей ментальностей», воссозданием психологической атмосферы Античности, Средневековья, Возрождения, Нового времени (Р. Мандру, Л. Февр, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, А. Дюпон).

Характерно, что конкретные исследования историков, посвященные реконструкции мировоззрения, индивидуального и коллективного сознания людей различных эпох, истории чувств и ментальности рассматриваются И. Мейерсоном как первичный материал для исследования психологических функций. В своих исследованиях французские историки реализуют следующие методические принципы:

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

1. Тщательного исследования заслуживают феномены обыденного сознания (системы представлений о мире, стиль мышления, особенности мировоззрения, характерные для людей прошлого), которые подвержены исторической изменчивости, наиболее ярко выражают историческое своеобразие личности и во многом определяют поведение людей в конкретную эпоху. Французские историки используют для изучения психологического уровня обыденного сознания оригинальную систему понятий, например:

- «духовный универсум» (Л. Февр) – эстетические, этические, правовые нормы, эмоциональные состояния, типичные для исторической эпохи, особенности психического склада людей данной эпохи;
- «видение мира» (Р. Мандру) – мироощущение, мировосприятие, мировоззрение, система отношений к действительности, определяющая позиции людей в частной и социальной жизни, в труде;
- «ментальность» (Л. Февр) – способ преломления интеллектуальной обработки впечатлений;
- «ментальность» (А. Дюпон) – состояние духовности, манера думать, воспринимать мир, система символов и ценностей.

2. Психологические феномены, характерные для определенной эпохи, исследуются в связи с социальными, экономическими, политическими, географическими и другими явлениями. Например, общественное сознание исследуется в непрерывной связи с состоянием общества и всей его историей.

3. Особенности коллективной психологии изучаются, главным образом, через реконструкцию знаковых систем, характерных для данной эпохи. Семантические и семиотические системы, созданные обществом в процессе его жизнедеятельности, рассматриваются как основное средство воздействия «исторического коллектива» на личность, обусловливающее историческое своеобразие личности.

4. Для воссоздания целостного облика эпохи используется герменевтический принцип «вживания в эпоху», то есть понимание эпохи из нее самой. По мнению французских историков, эпоху возможно понять через реконструкцию ментальности, через раскрытие повседневной жизни представителей различных социальных и возрастных групп, особенности духовной и аффективной жизни человека, через изучение мотивов индивидуального и коллективного поведения, через исследование коллективных действий и коллективных эмоций.

Ярким примером воссоздания целостной историко-психологической картины эпохи является работа **Й. Хейзинги** «Осень Средневековья» (1919), опубликованная на русском языке в 1990 г. и поло-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

жившая начало серии блистательных исследований в области исторической психологии Средневековья: Ж. Дюби, Ф. Ариаса, Ж. Ле Гоффа, А.Я. Гуревича.

Литература по теме:

1. *Анцыферова, Л.И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии / Л.И. Анцыферова. – М.: Наука, 1974. – 357 с.
2. *Вернан, Ж.П.* Происхождение древнегреческой мысли / Ж.П. Вернан. – М.: Прогресс, 1988.
3. *Гуревич, А.Я.* Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М., 1972.
4. *Гуревич, А.Я.* Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М., 1990.
5. *Гуревич, А.Я.* Уроки Люсьена Февра. Л. Февр. Бой за историю / А.Я. Гуревич. – М., 1991. – С. 501-542.
6. *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
7. *Февр, Л.* История и психология // Л. Февр. Бой за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 97-109.
8. *Хейзинга, Й.* Осень средневековья / Й. Хейзинга. – М.: Наука, 1988. – 544 с.
9. *Meyerson, I.* Les fonctions psychologiques et les oeuvres. – Paris, 1948.
10. *Meyerson, I.* Problemes de la personne. – Paris, 1973.

Тема 4. Американская психоистория

В годы второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки начинается проведение исследований, осуществляющих психологический анализ исторических событий. Речь идет о первых исследованиях по психологии нацизма, выявляющих психологические предпосылки и возможные последствия тоталитарного режима (В. Лэнгер, **Э. Эриксон**, Ф. Нойман). В 1957 г. президент Американской исторической ассоциации В. Лэнгер обращается к историкам с призывом использовать психологические модели для объяснения исторических событий и деятелей. К этому времени в американской науке накоплен богатый опыт психологического изучения исторических деятелей. Развитие данной традиции восходит к работам **З. Фрейда** «Леонардо да Винчи» (1910), «Томас Вудро Вильсон. 28 президент США: Психологическое исследование» (1932) (совместно с У. Буллитом), в которых психоаналитический метод был применен в качестве способа интерпретации и понимания личности исторического деятеля [5, 6].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В 1960-е гг. исследования, посвященные психологическому описанию и объяснению исторических личностей и социальных групп, психологической интерпретации исторических событий и периодов в истории различных народов обозначаются как «психоисторические» исследования. Начиная с 1960-х гг. *психоистория* существует как университетская дисциплина – в 1963 г. Б. Мэзлишем организован первый психоисторический семинар под названием «История и психоанализ». К концу 1970-х гг. в американских университетах читается уже около 200 лекционных курсов, посвященных проблемам психоистории. В 1970-х гг. создаются профессиональные организации, поддерживающие и координирующие работу в области психоистории (в 1972 г. в качестве филиала Американской исторической ассоциации возникла группа «За использование психологии истории», в 1976 г. **Л. Демозом** образована Международная психоисторическая ассоциация). С 1970-х гг. в США издаются два специальных журнала «Психоисторическое обозрение» (1972) и «Психоисторический журнал» (1976).

Самой распространенной психологической концепцией, используемой для интерпретации группового и индивидуального поведения в психоисторических исследованиях является психоанализ в его классическом и модернистском вариантах. Некоторые теоретики психоистории определяют психоисторию как область применения психоанализа для интерпретации истории (Б. Мэзлиш, П. Левенберг, Э. Эриксон, Р. Бинион). Эти ученые считают, что у психоанализа и истории единый предмет исследования: история изучает прошлые человеческие действия, мысли и мотивы, а это то же, что психоаналитики изучают у своих пациентов.

В ряде работ, начиная с 1912 г., З. Фрейд последовательно экстраполирует психологические наблюдения и теоретические положения на исторический материал, выстраивая психологическую концепцию, объясняющую исторические явления и применяя метод психоанализа к истории. Идеологические и процедурные основы психоаналитического подхода к историческому процессу изложены в работах З. Фрейда: «Тотем и табу» (1912), «Психология группы и анализ Эго» (1921), «Будущее одной иллюзии» (1927), «Болезнь цивилизации» (1930), «Моисей и монотеизм» (1939).

По мнению З. Фрейда, психика невротика дает ключ к объяснению культуры. Невротик индивидуально изобретает то, что общество давно изобрело, потому что общепринятые способы овладения конфликтами и желаниями ему не помогают. Так, он выдумывает для себя навязчивые и внешне бессмысленные запреты, а это – не

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

что иное, как табу, возникшие в первобытной религии. Эти самодельные, частные ритуалы взрослых людей в современном обществе интересны разве что врачу-психиатру. Но его опыт небесполезен историку цивилизации, тем более, если врач у него особый, вооруженный приемами психоанализа и теорией бессознательных желаний.

З. Фрейд дал эскиз своей теории происхождения цивилизации в работе «Тотем и табу». В книге мы прочтем о том, что наука начала XX в. знала о табу, тотемных пиршествах (на которых дикари поедали жертвенных животных – якобы своих предков), первобытных родственных связях и докультурном состоянии человечества. Последнее представлялось как совокупность мельчайших кочующих орд. Во главе каждой стоял самец, монополизировавший женщин и прогонявший подрастающих сыновей. Для перехода к цивилизации необходимо было случиться такому событию: «...в один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили и съели отца и положили таким образом конец отцовской орде. ...Для того, чтобы не считаясь с разными предположениями, признать вероятными эти выводы, достаточно допустить, что объединившиеся братья находились во власти тех же противоречивых чувств к отцу, которые мы можем доказать у каждого из наших детей и у наших невротиков, как содержание амбивалентности отцовского комплекса. Они ненавидели отца, который являлся таким большим препятствием к достижению власти и удовлетворению их сексуальных влечений, но и в то же время они любили его и восхищались им. Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив свое желание отождествиться с ним, они должны были попасть во власть усилившихся нежных движений» [3, с. 331-332]. Нежные движения состояли в том, что братья повинились и установили на будущее два запрета: не убивать отцов и не вступать в кровосмесительную связь с матерями. Кроме того, они учредили праздник, на котором поедают мясо искупительной жертвы. Так появилась культура с ее важнейшими установлениями: религией, моралью, устойчивой семьей.

С тех пор человеческое общежитие избегает распада под ударами бурных желаний, потому что получает контроль над ними. Конфликт влечения и нормы оформлен в неврозоподобную структуру психики. Что такое культура, как не драма любви и ненависти, вины и раскаяния, поставленная в многочисленных ритуалах, объяснениях, рассказах, художественных изображениях и моральных назиданиях? Как считает В.А. Шкуратов (1994), культура имеет и «экономическую» суть, поддерживая между людьми баланс жертв и возмещений так, чтобы каждый был компенсирован за отказ от удовлетворения желания, по крайней мере (и преимущественно) иллюзорно.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Основой историко-психологической концепции З. Фрейда выступает аналогия между психическими и историческими феноменами: в психологической истории человечества, так же как и в душевной жизни ничто, раз возникнув, не исчезает, все каким-то образом сохраняется и при известных условиях, например, в случае далеко зашедшего регресса, может вновь всплыть на поверхность. Влияние на формирование историко-психологических представлений З. Фрейда оказала собственно психоаналитическая теория личности и терапевтический метод психоанализа, который является по существу историческим методом. Психоанализ, предполагающий обязательное изучение истории жизни личности для понимания ее актуального поведения, является такой психологической концепцией личности, которая базируется на историческом методе, что и дает возможность соотносить исторический процесс и процесс развития личности.

Осевая аналогия, на которой строится историко-психологическая концепция З. Фрейда, заключается в соотнесении истории социальной общности (человечества, социальной группы, нации) с развитием личности. Так, например, роль великой личности в истории народа рассматривается по аналогии с ролью личности значимого другого в жизни человека; влияние личностных кризисов на формирование личности выступает аналогом конфликта поколений в историческом ракурсе. Историко-психологическая концепция З. Фрейда содержит следующие положения:

1. Для понимания массовых социальных действий, также как и поведения отдельной личности, необходимо исследование феноменов «бессознательного» (влечения, невротические симптомы, идентификации, либидозные связи, содержимое вытесненного сознанием). Так, ответ на вопрос о причинах поведения исторической личности или социальной группы предполагает выявление неосознаваемых мотивов поведения.

Использование психоаналитической процедуры для объяснения группового поведения восходит к работам З. Фрейда «Тотем и табу», «Психология группы и анализ Эго», где делается попытка расширить возможности психоанализа, выйти за пределы объяснения отдельного индивида. Особенности поведения людей в толпе (импульсивность, нетерпимость, доверчивость, подчиненность) З. Фрейд объясняет предположением о коллективной регрессии к ранней стадии исторического развития, когда общество подавлялось отцомтираном, тогда как современные толпы бессознательно ищут своего утраченного отца, и через механизм идентификации происходит замещение отца лидером.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

2. Для понимания процессов, происходящих в психологии масс необходимо по аналогии с психоанализом исследовать опыт прошлых переживаний в истории народа. Унаследование аффективных переживаний прошлых поколений происходит путем бессознательного понимания обычаев, церемониалов и узаконений, в которых отразилось первоначальное отношение к отцу.

3. Особую роль в формировании массовой психологии народа и его судьбы играет «великий человек», который является выразителем массовых порывов, «производит устойчивые психологические изменения в своем народе», влияет на своих современников через свою личность («силой исходящего от него воздействия и через свои идеи»). Психологической основой для формирования специфической либидозной связи народа с лидером являются психологические особенности выдающейся личности («решимость мысли, сила воли, яркость поступков, самостоятельность и независимость великого человека, его божественная не озабоченность, способная возвысить до беспощадности, принадлежащих образу отца») [4, с. 29].

Для объяснения поведения взрослого субъекта необходима реконструкция событий раннего детства. В этом случае выявляются события, оказавшие травмирующее влияние на формирование исследуемой личности (психотравмы). Для объяснения группового социального поведения выявляется общий для членов группы детский опыт. В качестве такого опыта рассматривается первобытная история, которой З. Фрейд отводит особенную роль в понимании истории человечества и его настоящего. Концепция праистории изложена З. Фрейдом в «Тотем и табу», где предложена оригинальная концепция, связывающая прошлые и настоящие исторические события. По аналогии с процессом формирования личности Фрейд реконструирует исторически ранние формы человеческого сообщества (по аналогии с типом взаимоотношений в семье).

4. Для понимания роли исторических событий в народной жизни выявляются их психологические последствия. В истории (в жизни человеческого рода) тоже имели место события сексуально-агрессивного содержания, оставившие по себе стойкие забытые следы, которые после достаточно долгого латентного периода оказали свое воздействие и вызвали к жизни феномены, аналогичные по структуре и тенденции невротическим симптомам. З. Фрейд рассматривает религиозные феномены как симптомоподобные последствия таких событий. Сходство бредовой идеи и возвратившегося фрагмента прошлого приводится в качестве доказательства этой гипотезы: «в бредовой идее кроется фрагмент забытой истины, неизбежно извращенной и недопо-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нятой при своем возвращении в сознание, и что навязчивая убедительность, окружающая бредовую идею, исходит от этого зерна истины, распространяясь и на наслоившиеся заблуждения. Подобную истину, которую можно назвать исторической, мы и должны признать за положениями религиозной веры» [4, с. 209]. Исторические события в жизни народа имеют психологические последствия (подобно травмам раннего детства), обусловливают психологические тенденции в жизни народа, социальной группы (подобно невротическим симптомам) и формируют *народный характер*. В религиозных, этических и политических идеях находят свое выражение забытые переживания и события прошлого («историческая истина»), неизбежно приобретающие извращенный и искаженный характер.

Наиболее ярко и последовательно идея соотнесения истории человечества и отдельной личности воплощается в жанре, в котором З. Фрейд выступает в качестве основоположника – в психобиографии. В 1910 г. опубликовано первое в психологии психобиографическое исследование З. Фрейда «Леонардо да Винчи», в котором продемонстрированы возможности психоаналитического метода для изучения биографии. Основными вехами в развитии психобиографического направления, которое становится впоследствии наиболее популярным жанром американской психоистории, является работа З. Фрейда, написанная совместно с историком У. Буллитом «Томас Вудро Вильсон. 28 президент США: Психологическое исследование» (1932), работы Э. Эриксона «Юность Лютера» (1958), «Истина Ганди» (1969).

Психобиография – психологическое исследование жизненного пути исторического деятеля. Цезарь, Бисмарк, Кромвель, Наполеон, Робеспьер, Адамс, Вильсон, Линкольн, Лютер, Ленин, Троцкий, Сталин, Мао Цзе Дун, Гитлер, Ганди – далеко неполный список исторических личностей, жизнь и деятельность которых подверглась психобиографической реконструкции. Объектом психобиографического исследования является исторический деятель, его биография, *предметом психобиографии* является психологическое содержание жизненного пути исторического деятеля. Исходной мировоззренческой предпосылкой психобиографических исследований является признание исторической значимости отдельной личности, понимание действий которой рассматривается как один из способов объяснения исторических событий. Временными рамками таких исследований выступают уже не исторические эпохи, границы которых определяются социальными, культурными, экономическими сдвигами, но время человеческой жизни, границы которого определяются событиями истории жизни конкретной личности.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Отличие психобиографического исследования от традиционного жизнеописания (биографии) великих людей заключается в принципах и методах исследования: если целью исторической биографии является максимально достоверное описание истории жизни и деятельности выдающейся личности, то психобиография призвана составить психологическое описание жизненного пути, объяснить причины действия исторической личности, используя для этой цели психологический инструментарий (психологические теории личности, психологические понятия). Психобиография является основным на сегодняшний день способом изучения влияния психологических особенностей личности исторического деятеля на ход исторического процесса. Вопрос о влиянии психологических особенностей исторической личности на исторические события поднимался еще в XIX в. в работах ученых И. Тэна, А. Токвиля, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, В.О. Ключевского, Г. Лебона в рамках осмысления вопроса о роли личности в истории. Психобиография не только выражает, но и реализует идею соотнесения истории человека и истории человечества и является адекватным методом психологической интерпретации истории.

Психобиография является наиболее распространенной практикой применения психоаналитической процедуры в психоисторических исследованиях (Б. Мэзлиш, Г. Вильсон, П. Левенберг, Р. Бинион). Для установления причинной связи между детским опытом субъекта и его поведением в зрелом возрасте, для получения сведений о перенесенных исторической личностью в раннем детстве психотравмах исследователи полагаются на информацию, содержащуюся в письмах, дневниках, биографиях и автобиографиях, в документах и медицинских картах.

Еще одним направлением психоисторических исследований является *психоистория семьи,* объектом которого являются исторические формы семейных отношений, предметом – влияние типа семейных отношений на становление личности в различные исторические периоды, изучение механизмов исторической социализации личности, их социальных, психологических и исторических эффектов. Один из теоретиков и организаторов психоисторических исследований Л. Демоз – автор «психогенетической» теории истории считает основой исторических изменений общества эволюцию взаимоотношений между матерью и детьми, изменение системы воспитания ребенка на ранних стадиях социализации. По мнению Л. Демоза определенному типу семейных отношений («модус отношений») соответствует определенный тип личности («психовид») и определенные социальные

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

изменения, как результат деятельности личности данного типа. В качестве «ключа» к пониманию исторического процесса, социальных, культурных, экономических изменений в обществе представители этого направления (Д. Хант, Л. Демоз) рассматривают психологическую структуру семейных отношений. В основе этих представлений находится теоретическое положение психоанализа о роли ранней социализации в формировании личности [2, с. 10].

Методология психологического, преимущественно неофрейдистского, анализа и типологии личности в зависимости от исторических условий ее социализации, разработанная в рамках культурантропологии (А. Кардинер, Т. Парсонс, Т. Тернер), применяется в психоисторических исследованиях для выявления исторического своеобразия личности, объяснения ее социального поведения. Одна из авторитетных концепций исторической социализации личности – концепция «базовой личности», сформулированная в 1940-х гг. американскими психологами А. Кардинером (1946) и Р. Линтоном (1945).

«Базовая личность» определяется как определенная «личностная конфигурация» (свойства личности), характерная для большинства членов данного общества, как результат общего для них раннего опыта.

Данная концепция основана на следующих теоретических положениях:

- ранний опыт индивидов оказывает длительное действие на их личность, особенно на развитие творческих способностей;
- сходный опыт ведет к порождению сходных «личностных конфигураций» у индивидов, которые находятся под его воздействием;
- способы ухода за детьми и воспитания у членов любого общества, как правило, сходны, хотя и никогда не идентичны для различных семей внутри общества;
- техники ухода за детьми и воспитания, определенные культурой, отличаются друга от друга в разных обществах.

Направление психоистории, объектом исследования которого является психоистория социальной группы, называется *социальной психоисторией*. В рамках этого направления психоисторических исследований изучается мотивация группового поведения (Ф. Вейнстейн, Дж. Плэтт, Р. Беринжер, П. Левенберг, К. Кенистон). В исследованиях по социальной психоистории также широко используются психоаналитические модели для объяснения группового поведения, массовых социальных движений (Л. Хотт, Ю. Метвин, А. Улам), также в этой области психоисторики пробуют возможности иных, пре-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

имущественно социально-психологических концепций, например, теории когнитивного диссонанса.

Наиболее эффективным в социальной психоистории оказалось использование психоанализа для объяснения и описания *социальных революций* (Б. Мэзлиш, Ю. Метвин, Дж. Талмон, Р. Лифтон, Дж. Плэтт, Ф. Маунт, Р. Харлоу, В. Вольфенстейн, Г. Бичевский). Становление психоистории революции связано с психоаналитическими принципами объяснения группового социального поведения. Психоаналитический метод как основа для изучения *социальных радикальных движений* сводится к следующим принципам.

1. Иррациональные влечения, неосознаваемые психические состояния, бессознательные враждебные инстинкты рассматриваются как основа революционного поведения личности и социальной группы. Агрессивные реакции индивидуального и коллективного характера являются следствием массового невроза, вызванного социальным давлением на человека. Современное насилие - в большинстве случаев, своеобразная форма невротического протеста личности против различного рода давящих на нее стрессовых факторов и условий социальной жизни, к которым ей часто бывает трудно адаптироваться. Согласно психоаналитической схеме, социальные санкции и нормы ограничивают возможности удовлетворения человеческих потребностей, вызывают фрустрационные состояния – сознательное, подсознательное ощущение лишения того, к чему стремишься. В соответствии с теорией агрессии и фрустрации, разработанной социальными психологами Д. Доллардом и В. Миллером, которая часто привлекается психоисториками для объяснения революционных действий народных масс, реакция агрессии неизбежно следует за фрустрационными состояниями и может быть направлена против объекта, ставшего источником фрустрации или перенесена на кого-нибудь другого, или даже на себя.

«Агрессия – последствие поведения, целевой реакцией которого является причинение обиды тому лицу, против которого обращено это поведение. Агрессия не всегда совершается открыто, она может проявляться в виде фантазии, сна и даже хорошо обдуманного плана реванша, она может быть направлена против объекта, который признан причиной фрустрации, либо перенесена на совершенно невинный предмет и даже на самого себя» [2, с. 153]. Так, например, при исследовании причины еврейских погромов, которыми сопровождались многие социальные революции, в качестве одной из причин называется феномен «козла отпущения», когда агрессия масс переносится на относительно беззащитный объект (как это произошло в

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Германии 1930-х гг., когда нацистская идеология вызвала перенесение агрессии немецких лавочников на относительно беззащитный объект).

2. Движение социального протеста (радикальные действия личности и социальной группы в политике, культуре, в быту) рассматриваются как война поколений, как поколенческий протест детей против отцов, вызванный остротой переживания детьми «эдипова конфликта».

Интерес к проблеме взаимоотношения поколений связан с попытками американских психологов объяснить культурно-исторические причины студенческих молодёжных волнений в мае 1968 г. в Париже и Нью-Йорке. Например, в работах американских психоисториков Л. Фойера, П. Левенберга, Г. Дикса, радикальные социально-политические и культурные движения рассматриваются с позиций классического психоанализа как специфические проявления конфликта поколений.

Известный американский психоисторик Л. Фойер в книге «Конфликт поколений: Характер и значение студенческих движений» (1975) считает, что условием народнического движения в России в 70-е гг. XIX в. явилась потеря старшим поколением авторитета у будущих революционеров, движение которых стало неосознаваемым протестом против традиций и ценностей общества, созданного поколением отцов [2, с. 134]. По мнению Л. Фойера, идеологическое своеобразие народничества (лозунг «хождения в народ», обращение к западным идеям социального устройства), становится своеобразным способом избавления от полученных в детстве психотравм (например, запрет дворянским детям играть с крестьянскими детьми активизирует неосознаваемую потребность интеллигенции в идентификации с крестьянами), а также выражением отрицания социальной и политической идеологии поколения отцов.

3. Причина популярности революционного лидера, массового преклонения, подчинения и обожествления политика (эффект «харизмы») объясняется специфичностью собственного психологического опыта революционного лидера (повышенная агрессивность, деструктивность, фиксация на юношеской стадии развития, острота переживания «эдиповой ситуации», перенос либидозных эффектов в область социальных отношений, на революционную идеологию) активизирует агрессивные невротические тенденции масс.

Так, например, в фундаментальном исследовании, посвященном психоисторическому анализу Великой Французской революции Ф. Венстейна и Дж. Плэтта «Желание быть свободным: Общество,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

психика и изменение ценностей» (1973), причиной нисходящего развития революции, начиная с 1794 г., считаются психологические особенности революционного вождя М. Робеспьера, который не смог реализовать демократические ценности, за которые боролся («свобода, равенство и братство»). Авторы рассматривают революцию как реализацию ценностей автономии, оформленных французскими просветителями. Если в начале революционной деятельности М. Робеспьера его личные качества (демонстрация морального превосходства, воинствующий, карающе-морализированный тон, способность конструировать мир в абсолютных терминах) соответствовали историческим задачам революции и обеспечили ему огромную популярность, политическую карьеру, массовую поддержку, то в дальнейшем, с момента получения широких властных полномочий (с лета 1793 г. М. Робеспьер возглавляет Комитет общественного спасения), такие личностные особенности М. Робеспьера, как бессознательная установка на тотальный контроль над ситуацией, неспособность справиться с травмами обусловили диктаторский стиль его политического поведения, что не соответствовало его собственным демократическим идеалам. Амбивалентность, как одна из личностных динамических характеристик М. Робеспьера, в силу которой этот политический лидер оказался не способен реализовать ценности, за которые боролся, по мнению многих психоисториков, рассматривается как причина его конца и спада революции (Ю. Метвин, Дж. Талмон, В. Мэзлиш).

М. Робеспьер является типичным представителем «тоталитарного мессианского темперамента с параноидальными чертами» (Дж. Талмон), деятельность которого носит деструктивный характер, который действует из невротических побуждений и переносит либидозные аффекты (в обыденной жизни чаще всего они переносятся на окружающих людей) на область социальных отношений, тем самым «забывая» идеалы дружбы и любви во имя революционных целей.

4. Направленность революционных изменений, содержание революционной идеологии интерпретируется с точки зрения активности «бессознательного» (неосознаваемых желаний, фантазий и др.), выражающейся в системе деструктивных революционных действий, в революционной символике, языке, обрядах и революционных ритуалах. «Все революционные изменения имеют общий базис – они возникают в форме личных фантазий-желаний. Прогрессия всегда одинакова: желания, которые до этого подавлялись, становятся осознанными, систематически кодифицируются и ведут к социальным акциям, направляемым на фундаментальные изменения ценностей, служащих для организации поведения внутри социальной системы» [2, с. 168].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

По мнению некоторых психоисториков (Ф. Лифтона, К. Кенистона), психоисторические исследования имеют сходную с клиническим психоанализом цель – психотерапевтический эффект. Тенденция рассматривать результаты психоисторических исследований как «ключ» для преодоления индивидуальных и коллективных неврозов характерна для некоторых психоисториков, называющих себя «социопсихотерапевтами». Например, Р. Лифтон в своей книге «Смерть при жизни: Уцелевшие в Хиросиме» (1967), посвященной исследованию адаптации лиц, выживших в Хиросиме к условиям мирного существования, стремиться обнаружить эффективные средства помощи будущим поколениям справиться с историческими событиями стрессового характера.

Один из наиболее авторитетных психоисториков, основатель Эгопсихологии **Э. Эриксон** видит в психоисторическом подходе возможности для социальной терапии, оценивает историческую реальность, как «попытку создать будущий порядок из прошлого беспорядка» [2, с. 81]. В известной работе «Истина Ганди» (1969), посвященной описанию жизни М. Ганди и его отношений с народом Индии Э. Эриксон обнаруживает психотерапевтическое влияние этого лидера на индийское общество. Используя собственную концепцию восьми специфических возрастных психосоциальных стадий развития личности для психоисторического подхода, автор интерпретирует отношения исторического деятеля с народом по аналогии психотерапевта и пациента: «Истина Ганди в том, что он приобрел мудрость самоотречения для себя самого и способствовал новому уровню политического и духовного сознания своей нации» [8, с. 87].

Кризис идентичности является по Э. Эриксону одним из центральных понятий для объяснения истории человека и человечества: переживание историческим деятелем собственного кризиса идентичности способствует радикальному самообновлению современников в условиях социального кризиса. Таким образом, исторический момент в жизни личности может стать историческим моментом, переворотным пунктом в истории страны. Как считает Э. Эриксон в монографии «Историческая жизнь и исторический момент» (1975), психотерапевтическая функция «великих людей» по отношению к народу осуществляется следующим образом: «Глубоко и патологически выведенные из равновесия, одержимые одновременно и видением нового мирового порядка, и потребностью (и дарованием) преобразовывать массы людей, подобные люди делают свое индивидуальное страдание представителем всеобщего, и обещают решить для всех то, что они не смогли решить для самих себя» [9, с. 86].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Литература по теме:

1. *Белявский, И.Г.* Развитие психолого-исторических представлений / И.Г. Белявский. – Киев: Наукова думка, 1988. – 70 с.
2. *Могильницкий, Б.Г.* Американская буржуазная «психоистория». Критический очерк / Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаев, Г.К. Гульбин. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – 273 с.
3. *Фрейд, З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет / З. Фрейд. – Тбилиси: Мерани, 1991. – 398 с.
4. *Фрейд, З.* Психоанализ. Религия. Культура / З. Фрейд. – М.: Ренессанс, 1992. – 296 с.
5. *Фрейд, З., Буллит, У.* Томас Вудро Вильсон. 28 президент США: Психологическое исследование / З. Фрейд. – М.: Прогресс, 1992. – 88 с.
6. *Фромм, Э.* Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии / Э. Фромм. – М.: Высшая школа, 1992. – 143 с.
7. *Эриксон, Э.* Детство и общество / Э. Эриксон. – Обнинск: МГПУ, 1993. – 168 с.
8. *Erikson, E.* Gandhi's truth. – N.Y., 1969.
9. *Erikson, E.* Life history and the historical moment. – N.Y., 1975.

Тема 5. Немецкая критическая историческая психология

Еще одно направление исторической психологии возникло в 1980-х гг. в Западной Германии, течение пока находится в стадии создания исследовательских проектов и программ. Участники нового движения – преимущественно психологи – опираются на весь спектр европейской и американской психологической мысли, но, естественно, подчеркивают собственные, немецкие корни. К таковым относятся социология познания К. Маннгейма, труд Н. Элиаса о развитии цивилизации в Западной Европе и критическая теория Франкфуртской школы социальной философии. Немецкие исторические психологи перечисляют следующие задачи своего направления:

1. Методологические и критические. Как можно выделить психологические признаки индивида из характеристик групп и сообществ, не впадая в анахронизм и не проецируя свои свойства на другие эпохи? В какой степени психологическая критика свойственна психолого-историческим занятиям?

2. Исторические. Выяснить происхождение новоевропейского индивида.

3. Общественно-политические. Как связать историческое строение индивидуальности с сегодняшними общественными и политическими конфликтами?

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

4. Психологические. В чем историческая суть современного психологического бума?

5. Научно-дисциплинарные. Какие импульсы идут от исторических наук к наукам о психике? [3].

Указанные темы уже поставлены и проработаны другими направлениями, и новым является методологический и критический акцент немецких авторов. Психология современного человека склонна стереотипизироваться, упрощаться, терять исследовательские и гуманистические качества, распространяясь в массовой культуре и приобретая технократических заказчиков. В этом случае она обречена тиражировать примитивные схемы человеческого поведения. Тогда другая, историческая психология может привнести недостающую современному психологу дозу рефлексии, показав истоки, а также преходящий характер его предмета и его успеха. Наука об архаических и классических основах нашей эпохи может сформулировать антитезис буму прагматических психотехнологий и полумагических психотерапий, охватившему общество в конце века [1, с. 135-136].

Литература по теме:

1. *Шкуратов, В.А.* Историческая психология / В.А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.
2. *Elias, N.* Uber den Prozess der Zivilisation Soziogenetische und psilchgenetische Untersuchungen. Erster Bd. Wandlungen des Verhaltens in den Weltlichen Obersichten des Abendlandens. Baden-Baden, 1978.
3. *Reuter, M.* (hrsg.) Black Box Psyche? Pfaffenweiler, 1990.

Тема 6. Отечественное историко-психологическое направление

Устойчивая традиция гуманистического восприятия истории возникает в русской науке в XIX веке. В трудах П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, В.Н. Овсянико-Куликовского, П.А. Сорокина, Н.А. Бердяева, С.С. Корсакова, **В.Х. Кандинского**, А.Ф. Лазурского, **В.М. Бехтерева** поднимаются вопросы о психологической природе массовых социальных движений, об историческом своеобразии личности, о соотношении психологических и социальных законов, имеются оригинальные попытки использования психологических, социологических, философских и теологических моделей для описания и объяснения отечественной истории. Принципиальными для историко-психологического подхода к психологическим и соци-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

альным феноменам являются некоторые теоретические положения, сформулированные в работах этих ученых:

1. Социальные явления, продукты духовной и материальной деятельности, исторические события, массовые социальные движения рассматриваются как проявления психической деятельности их участников, как проявление их поведенческой активности. Соответственно, для понимания исторического процесса необходимо исследование массовой психологии, закономерностей массового социального поведения, осуществление психологического подхода к социальным явлениям.

Идеи о психологических основах социальных изменений разрабатывались в трудах П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, которые рассматривают историю как результат действий отдельных личностей и народных масс, а не как безликий общественный процесс. По мнению историка и социолога Н.И. Кареева (Введение в изучение социологии. – СПб., 1913) «исторический процесс осуществляется не иначе, как через человеческие действия, которые имеют свой источник в человеческих желаниях».

Вопросы о психологических закономерностях общественного развития, о личности и ее роли в истории рождали споры в разных областях знаний, в том числе в психологических кругах. Внимание отечественных психологов к проблемам социального поведения людей, к вопросам о психологических причинах массовых социальных движений в значительной мере было вызвано развитием революционного движения в России. Наиболее последовательно идея психологической обусловленности исторических действий разработана **В.М. Бехтеревым**, который рассматривал историю общества как «главным образом, историю коллективных человеческих деяний» [3, с. 7]. В его работах такая традиционная для историков проблематика, как массовые социально-политические и экономические движения, революции, восстания, войны квалифицируются в качестве групповых действий и становятся объектом психологического исследования. Интерпретация массовых социальных действий, имеющих историческое значение, согласно законам индивидуального поведения, означает, по сути, использование бихевиористской объяснительной модели. Наиболее ярко эта тенденция выражена в фундаментальном труде В.М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» (1921). Предметом изучения становятся психологические механизмы («рефлексологическая подготовка») исторических явлений, которые не могли бы начаться без психологической подоплеки. Хотя в большинстве из 23 законов коллективной рефлексологии для объяснения исторических

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

действий использованы психофизиологические, физические и механические модели, принципиально новым для изучения историко-психологических закономерностей являются приемы исследования исторических явлений и обнаружение некоторых психологических механизмов массовых действий.

2. Поведение субъекта исторического процесса (социальной группы, личности) в конкретно-исторической ситуации в значительной степени обусловлено предшествующим опытом, историей взаимодействия человека и общества, историей жизни субъекта. Это положение было сформулировано В.М. Бехтеревым как «Закон общественной наследственности», который связывает настоящую деятельность социальных коллективов с прошлым опытом, переданным через воспитание и традиции. «Закон общественной наследственности в своей основе включает в себя установление зависимых отношений между общественными событиями настоящего времени и прошлыми», – пишет В.М. Бехтерев, – «каждый социальный индивид имеет свою физиологию и свои личные особенности, которые передаются из поколения в поколение в качестве доминантных признаков (язык, религия, дух партийности, характер определенной среды, ее обычаев и привычек, коллективное выражение индивидуальных качеств коллектива) [3, с. 288]. По мнению В.М. Бехтерева общественный коллектив не может быть исследован без исторического освещения.

3. Проявления социальной активности людей рассматриваются в зависимости от исторических условий: для понимания массовых социальных движений необходимо выявлять не только социально-психологические, но и социальные, экономические, культурные и бытовые причины. Массовидные психологические явления, характеризующиеся сходством переживаемых психических состояний, социального поведения для некоторого множества членов общества, - типичный для психологических исследований XIX в. объект. Примером комплексного подхода, совмещающего психологический, социологический, исторический, этнический анализ к массовидным психологическим феноменам, являются исследования русских психиатров В.Х. Кандинского, А.А. Токарского, П.П. Якобия, Н.В. Краинского, посвященные проблеме психических эпидемий.

Речь идет о массовых невротических реакции и состояниях, которые могут распространяться в обществе (через действие механизма социально-психологического заражения) как *массовые психические эпидемии*. Понятие «массовые психические эпидемии» широко использовалось в психиатрии XIX в. для обозначения «морального и интеллектуального движения масс, принимающего форму резкого

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

душевного расстройства» (по определению известного отечественного психиатра **В.Х. Кандинского** в работе «Нервно-психический контагий и душевные эпидемии» (1876).

В указанной работе рассматриваются такие «факты коллективного безумия», как эпидемии религиозного бреда (демономания, шабаши, ощущение своей греховности, доходящее до крайностей), теомания, пророчествование XVI – XVII вв., мистицизм, вампиризм, бесоодержимость (XIV – XV вв.), тарантизм, анабализм, зооантропия (XVI в.), конвульсионаризм – аскеза, самобичевание, припадки (XVIII в.). Например, в XIV веке в Западной Европе распространяется движение «братья Христа», когда толпы до 10 тыс. чел., в течение 34 дней по 2 раза в день всенародно ударяли себя плетьми с железными остриями до крови, совершая «подвиг покаяния» (самобичевание). В 1212 г. около 30 тысяч детей из Франции и Германии отправляются в Палестину с хоругвиями и знаменами как юные крестоносцы, большая часть из них погибли в пути или попали в рабство («крестовые походы детей»). Имели место и психопатические эпидемии, сопровождающиеся судорожными припадками (тарантелла, истерия, кликушество).

Ученые XIX в., обнаружившие сходство массовых реакций с невротическими проявлениями, выделили ряд характеризующих эти феномены отличительных признаков:

1) Психопатологическая «захваченность» состоянием, идеей, действием, которые неподконтрольны волевой регуляции, что указывает на невротическую природу явления. Например, В.Х. Кандинский подразумевал под «душевными нервно-психическими эпидемиями» – «известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи, охватывающие сразу массы людей, которые обуславливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий» [7, с. 63].

2) Распространяемость этих массовых состояний и действий социально-психологическими способами (заражение, внушение, подражание). По мнению В.Х. Кандинского механизм заражения является основным психическим механизмом, регулирующим «явления нервнопсихической контагиозности» (от фр. *contagion* – зараза): контагий определяется как способность к имитации, как способность приходить в унисон с остальными. Под «духовной контагиозностью» подразумевается заразительность настроением (радость, грусть, воинственный дух, жестокость, любовь, геройство, страх, трусость).

3) Психологическими механизмами, определяющими массовое поведение, являются состояния экзальтации и экстаза, обусловлен-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ные ослаблением умственной деятельности и общим истощением нервной системы, что также указывает на невротическую природу явления.

Экзальтация – глубокое постоянное сосредоточение мысли на одном пункте. В этом состоянии человек так поглощен свой мыслью, чувством, что все его действия совершаются под влиянием этой мысли, чувства.

Экстаз – состояние транса, когда вся душевная жизнь сосредотачивается на одной идее, чувстве настолько, что в это время окружающая реальность перестает существовать (нет внешних впечатлений); этому возбуждению соответствуют ужас или восторг на лице, не вызванные внешними обстоятельствами, а стимулами для чувств и впечатлений становятся образы (галлюцинации, иллюзии).

В качестве условий для начала эпидемических явлений в работах В.Х. Кандинского, А.А. Токарского, Н.В. Краинского, П.П. Якобия, В.М. Бехтерева выделены следующие обстоятельства:

- повышенная внушаемость субъектов поведения вследствие ослабления нервной системы (как считает В.Х. Кандинский, это высвобождает умственную силу, возбуждает чувства, ярко возникают забытые образы, возбуждается воображение и воспоминания);
- «бедность психического содержания» – ограниченность интересов, невежество (А.А. Токарский относит это к «предрасполагающим причинам» массовых психических эпидемий);
- «Господствующая идея» – аффективный интерес населения к определенным идеям, темам и сюжетам (увлеченность), что обуславливает массовое распространение определенного состояния и поведения. Идеологическая увлеченность населения, как полагает В.Х. Кандинский, «заразительность идеи тем больше, чем больше она способна экзальтировать, чем больше она возбуждает те чувства и страсти, к которым расположены массы в данное время» [7, с. 189];
- Наличие «очага заражения» – яркого, по преимуществу аффективного образца-примера для заражения («чем сильнее и напряженнее душевное движение, тем оно заразительнее, – страсть поэтому заразительна по преимуществу»).

Кроме перечисленных факторов психологического характера выделяются также социально-исторические особенности эпохи:

- Социально-экономические условия, прежде всего – резкое снижение уровня жизни населения (например, ситуации военного времени), способствующее нервному и физическому истоще-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нию. А.А. Токарский обнаруживает зависимость между эпидемиями религиозного бреда и временем общественных бедствий, финансового краха («при таких условиях, в людях легко возрождается с небывалой силой идея обращения к Богу») [11, с. 28];

- политические обстоятельства, которые могут, как считает В.М. Бехтерев, стимулировать массовую увлеченность религиозно-мистическими идеями («в периоды подавления народного духа религия и мистицизм приобретали особое развитие в народных массах, когда подавляются политические движения – в народе благоприятная почва для мистицизма религиозного возбуждения») [3, с. 190];
- специфическая «психическая атмосфера эпохи», которая, по мнению указанных авторов, отражает политическую, экономическую неурядицы, болезни, голод, жестокость нравов, распространение суеверий, особенности мировоззрения человека как причины экзальтации умов и крайней психической подвижности нервной системы. По мнению А.А. Токарского, эта атмосфера соответствует «эпохам всеобщей деморализации» (в качестве примера приводится эпоха Средневековья).

Тенденция гуманистического восприятия истории, идея использования психологических моделей для описания и объяснения исторических событий не реализовалась в советский период в самостоятельное научное направление. Исходной мировоззренческой предпосылкой историко-психологических исследований являлась определенная мировоззренческая предпосылка, согласно которой социальные действия как отдельных личностей, так и социальных групп расценивались как исторически значимые факторы. Распространение марксистской концепции о субъективном факторе в истории, согласно которой историческая деятельность масс и личностей зависит от развития производительных сил и не может произвести коренных изменений в действии экономических причин, длительное время определяло развитие общественной мысли в СССР, что явилось одной из причин стагнации историко-психологической мысли в отечественной науке.

Тем не менее, в советский период развития отечественной психологии историко-психологический подход к психологическим явлениям реализуется в практических и теоретических исследованиях **Л.С. Выготского** и его школы. Культурно-историческая теория психического развития, сформулированная Л.С. Выготским, легла в основу эмпирических исследований его учеников и последователей **А.Р. Лурии**, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, **Д.Б. Эльконина**,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В.П. Зинченко, а также была воспринята культурологами, историками как концепция развития культуры.

С исследованиями Л.С. Выготского, его последователей и учеников А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева связан исторический подход к психологическим явлениям. В культурно-исторической теории Л.С. Выготского, который оценивал конкретные формы общественно-исторической деятельности, основные достижения цивилизации в качестве решающих факторов формирования психических процессов и свойств, нашла развитие идея о знаковом характере психических изменений. Согласно этой теории, психическое развитие личности неотъемлемо от развития культуры, и лишь через овладение достижениями культуры возможно развитие личности. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Москве под руководством Л.С. Выготского проводятся экспериментальные исследования, проверяющие его гипотезу об опосредованном развитии психической деятельности человека. В результате экспериментального изучения памяти, мышления, речи Л.С. Выготский приходит к выводу о роли знаковых систем (язык, различные формы нумерации и счисления, мнемотехнические приспособления, алгебраическая символика, произведения искусства, письменность, всевозможные условные знаки, бытовые и религиозные символы), которые вырабатываются исторически, фиксируются в культуре, передаются от поколения к поколению, в организации и развитии психических функций.

Основными методологическими принципами психологических исследований в рамках культурно-исторической теории являются следующие положения, которые позволяют характеризовать концепцию Л.С. Выготского как историко-психологическую:

1. Для исследования психической деятельности необходимо выявлять искусственную компоненту процесса (знаковое средство). Знак рассматривается как средство организации действий по овладению человеком своей психики, как средство «сигнификативной операции». Соответственно, объектом психологического исследования становится не только психологическое явление, но и явление культуры, а предметом психологического исследования является система психотехнических действий, трансформирующих человеческую психику.

2. Исследование психологических явлений предполагает историческую реконструкцию процесса культурной реорганизации различных форм психической деятельности (генетический метод).

3. Исследование социализации как процесса усвоения индивидом общественного опыта как процесса интериоризации. Интериоризация рассматривается Л.С. Выготским в качестве генетического

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

закона культурного развития человека. Идея становления личности как интериоризация индивидом социально-исторического опыта предоставляет широкие возможности для исследования исторических особенностей социализации личности в различные исторические эпохи, для изучения исторического своеобразия личности.

4. Исследование процесса культурной трансформации психики предполагает выявление психологических и социальных результатов этого процесса. Совокупность социальных условий (искусственных средств и приемов, направленных на развитие в индивиде природных задатков), обозначенная как «социальная ситуация развития», может выступать по отношению к развитию индивида как благоприятная и неблагоприятная. Речь идет о психологическом критерии полезности и эффективности общества по отношению к развитию природных и трансформации переданных предшественниками средств развития и совершенствования психических функций.

В начале 1930-х гг. **А.Р. Лурией** было проведено первое экспериментальное исследование проблемы изменения психических процессов в результате изменения общественных отношений, которое было посвящено анализу социально-исторических причин формирования психических процессов. Исследование проводилось в 1931 – 1932 гг. в отдаленных районах Узбекистана и показало, что важнейшие формы познавательных процессов – восприятие и обобщение, умозаключение и рассуждение, воображение и анализ своей внутренней жизни имеют исторический характер и меняются с изменением условий общественной жизни.

Данное эмпирическое исследование продемонстрировало зависимость развития психических функций от общественно-исторических изменений: психические сдвиги в ходе истории проявляются в изменении форм психической деятельности. Например, психологическим результатом социально-исторических сдвигов 1920 – 1930-х гг. становится перестройка мыслительных форм познавательной деятельности, изменение строения и содержания операций восприятия, отвлечения, обобщения. А.Р. Лурия приходит к выводу, что различные формы практики, соответствующие социально-экономическому укладу, определяют формирование психических процессов: «Люди, живущие в условиях различных исторических укладов, различаются не только различными формами практики и различным содержанием своего сознания, но и различной структурой основных форм сознательной деятельности» [8, с. 48].

Попытки теоретического описания исторической психологии как самостоятельной научной дисциплины были предприняты советским

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

историком **Б.Ф. Поршневым**, который организовал в конце 1960-х гг. семинар по исторической психологии при Институте Всеобщей истории АН СССР. В 1987 г. А.Я. Гуревичем возобновляется деятельность семинара по исторической психологии. Результатом обсуждения историками, психологами, культурологами, философами конкретных историко-психологических исследований, проблем культурно-исторической обусловленности психики, исторического своеобразия личности в различные эпохи, анализа мирового (преимущественно французского опыта исторической психологии) явилось появление первого специализированного периодического издания по исторической психологии и антропологии - ежегодника «Одиссей. Человек в истории».

Усилиями психологов и историков **Б.Ф. Поршнева**, А.Я. Гуревича, А.В. Брушлинского, Л.И. Анцыферовой, **А.Г. Асмолова**, В.П. Зинченко, И.Г. Белявского, **В.А. Шкуратова** сложились научные предпосылки для развития отечественной исторической психологии.

Теоретической основой для историко-психологических исследований могут служить концепция целостного системного описания человека, разработанная Б.Г. Ананьевым. Именно в данной концепции в рамках комплексного подхода к человеку содержатся принципы историко-психологического описания личности как объекта и субъекта исторического процесса.

1) Для понимания внутренних условий становления личности как субъекта общественного развития необходимо охарактеризовать основные силы, воздействующие на формирование личности. Сущность и история образования личностных свойств связаны с «современным для данного общества укладом жизни, историей общественного развития» [1, с. 267]. Взаимодействие человека с комплексом экономических, политических, идеологических, социально-психологических обстоятельств (явления материального производства и сферы потребления, социальные институты, средства массовой коммуникации, сами люди, объединенные в различные общества) характеризуют конкретно-историческую «социальную ситуацию развития» личности. Это понятие, введенное Л.С. Выготским, получило затем право гражданства в детской и социальной психологии. **Б.Г. Ананьев** дополнил содержание этого понятия макросоциальными характеристиками, придающими конкретно-исторический характер «социальной ситуации развития» личности. По отношению к развитию индивида она может выступать как благоприятная и неблагоприятная. Речь идет о психологическом критерии полезности и эффективности общества для развития природных и трансформации переданных

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

предшествующими поколениями средств развития и совершенствования психики. Например, нарушение процесса передачи культурного опыта, сопутствующее эпохе социальной революции, может повлечь за собой отставание психического развития населения, не реализацию потенциальных возможностей общества, заложенных предшествующим исторически опытом и культурными достижениями народа.

2) Исторические события, современником и участником которых является человек, рассматриваются как события его жизненной истории. «Фазы жизненного пути датируются историческими событиями, сменой способов воспитания, изменениями в образе жизни и системе отношений» [1, с. 266]. История рассматривается как «фон и канва для биографии и основной партнер в жизненной драме человека». По мнению Б.Г. Ананьева, все события индивидуального развития человека располагаются в системе измерения исторического времени. Даты исторического времени и конкретные системы его отсчёта определяются событиями в жизни отдельного народа и всего человечества.

3) Структура человека как субъекта познания и деятельности обусловлена исторически сложившимися способами деятельности, развитием производства, науки, искусства. Логические, вербальные, мнемические компоненты познавательной деятельности носят конкретно-исторический характер.

4) Для выявления исторического своеобразия личности следует рассматривать ее как представителя определенного поколения. По мнению Б.Г. Ананьева, принадлежность к определенному поколению является важнейшей характеристикой конкретной личности и определяется обстоятельствами общественного развития: «Возрастная изменчивость индивидов одного и того же хронологического и биологического возраста, но относящихся к разным поколениям, обусловлена, конечно, социально-историческими, а не биологическими причинами» [2, с. 221]. Поколенческие различия людей зависят от следующих обстоятельств:

- системы общественного воспитания;
- переживания исторических событий, свидетелем и участником которых была личность;
- способов взаимодействия с другими поколениями (как характеристика социальной ситуации развития);
- демографической ситуацией (оказывает влияние на условие передачи опыта и воспитание).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Литература по теме:

1. *Ананьев, Б.Г.* О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – М.: Наука, 1977. – 380 с.
2. *Ананьев, Б.Г.* Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л.: ЛГУ, 1968. – 339 с.
3. *Бехтерев, В.М.* Коллективная рефлексология // В.М. Бехтерев. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. – 400 с.
4. *Брушлинский, А.В.* Культурно-историческая теория мышления / А.В. Брушлинский. – М.: Высшая школа, 1968. – 120 с.
5. *Выготский, Л.С.* Развитие высших психических функций / Л.С. Выготский. – М.: АПН РСФСР, 1960.
6. *Зинченко, В.П.* Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности // Вестн. МГУ. – Сер.14. – Психология. – 1993. – № 2. – С. 25-38.
7. *Кандинский, В.Х.* Нервно-психический контагий и душевные эпидемии / В.Х. Кандинский. – М., 1876.
8. *Лурия, А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов / А.Р. Лурия. – М.: Наука, 1974. – 170 с.
9. *Поршнев, Б.Ф.* Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнев. – М., 1966.
10. *Поршнев, Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
11. *Токарский, А.А.* Психические эпидемии / А.А. Токарский. – М., 1893.

Раздел 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Тема 7. Психология первобытности

Первобытную эпоху называют доисторией. Историческая психология занимается преимущественно так называемыми историческими цивилизациями, т.е. такими, от которых дошли до нас письменные источники. С этим связана ее специализация в познании прошлого; на интерпретации документальных свидетельств построены ее методы.

Психическая эволюция гоминид до появления вида Homo sapiens составляет предмет палеопсихологии; знания о человеке зрелой пер-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вобытности доставляла и доставляет этнография. Однако совершенно исключить дописьменный период человечества из своего рассмотрения историческая психология не может. Во-первых, целостная картина психогенеза, разумеется, не может обойтись без самого продолжительного отрезка прошлого; во-вторых, первобытность – первооснова исторического процесса, и она присутствует в ментальности всех последующих эпох вплоть до современной; в-третьих, устная передача информации – предшественница письменной и может интерпретироваться с точки зрения последней. Историческая психология ищет в первоначальной эпохе объяснение глубины культурной психики, основ человеческого общежития, коллектива, соседства и таких первобытных форм самовыражения, как живая речь, ритуал, магия, миф. Феномен человека выстраивается в триаду архаики (доистории), истории и современности.

На рубеже среднего и верхнего палеолита заканчивается эволюция ископаемых гоминид и появляется Homo sapiens, скачкообразно увеличивается разнообразие каменных и других орудий, появляются составные изделия: вкладыши, наконечники, сшитая одежда. Главной социальной инновацией нижнего палеолита была экзогамия – исключение из брачных отношений ближайших родственников. Хотя элементы парного брака отмечаются уже у высших приматов (особенно у шимпанзе) и, безусловно, сильно окрепли у древнейших ископаемых людей, архантропов и палеоантропов, родство по определенной линии становится ведущим конституирующим принципом социальности в позднем палеолите. Запрет инцеста (кровосмешения) требовал общественной регуляции брака, появились род и семья.

Замена эволюционного типа развития на исторический принесла столь радикальные изменения в столь сжатые по сравнению с темпами антропогенеза сроки, что может быть определена как палеолитическая революция. Продуктом этой революции стало фундаментальное антропологическое, психофизиологическое, психосоциальное, духовное единство человечества, которое сохранится в истории вопреки расхождениям в экономическом, политическом, социальном, языковом, бытовом развитии человеческих сообществ. Из сказанного ясно, что в эту эпоху человечество вдобавок к биологическому, видовому единообразию приобретает тот уровень интонирующих связей, который называется культурой. Культура рождается в конце древнего каменного века как целостная система, тогда как в антропогенезе можно говорить только об отдельных зонах культурного поведения.

Вокальная коммуникация и конкретные представления ископаемых гоминид перешли в членораздельную речь и речевое мышление

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Homo sapiens в начале позднего палеолита под влиянием антропологических, экологических, технологических, психосоциальных обстоятельств. Возникновение языка (глоттогенез) и появление мышления целостными составными конструкциями (синтагмами) представлены производными от навыков обработки камня.

Марксистская наука выделяла производство среди прочих факторов развития человечества. Внутри этого принципиального подхода существовали две точки зрения. В первом случае тезис «Труд создал человека» трактовался буквально: орудие труда прямо свидетельствует о существовании сознания и культуры, по крайней мере в зачаточных формах. В соответствии со второй точкой зрения, употребление орудий является общей основой очеловечивания антропоидов, но к непосредственным причинам культуры и сознания не относится. Непосредственным признаком и двигателем очеловечивания служит речь (шире – знаковые системы). Наиболее впечатляюще вторая точка зрения была изложена Б.Ф. Поршневым [2]. Коммуникация ископаемых гоминид разделена у него на три стадии: животной имитации, суггестии ископаемых людей и речевого общения Homo sapiens. Каждый этап начинается отрицанием предыдущего и диалектическим скачком. Ведущим (прямым) фактором антропогенеза является коммуникативное взаимодействие, а не труд. Скачок ко второй сигнальной системе Б.Ф. Поршнев объясняет несовместимостью двух эволюционных ветвей гоминид (мустьерцев-палеоантропов и неоантропов) и необходимостью психологической защиты более продвинутых неоантропов от менее развитых, но более суггестивных палеоантропов. Поздний (верхний) палеолит занимает ключевое место в доистории, так как от него остались свидетельства систематической знаковой деятельности человека, а это – главный признак наличия сознания.

На поздний пещерный век приходится высший этап развития охотничьих сообществ. В отличие от низшего, он знает большие сезонные запасы пищи и относительную оседлость; плотность населения становится достаточно высокой, вырисовывается социоэкономическое неравенство. В больших полуоседлых поселениях охотников на крупных животных имущественное расслоение и коллективно-иерархическая организация должны были достичь высокой степени. Устойчивый быт десятков, если не сотен поколений между долиной Везера – Дордони (Франция) и северо-западной оконечностью Пиренейского полуострова был создан относительной стабильностью экологических условий на протяжении примерно 20 тыс. лет. Завершался ледниковый период, климат океанических приледниковых тундр

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

был относительно мягок, фауна копытных богата, пищевые ресурсы весьма разнообразны и доступны для человека. Верхний палеолит в этом районе продолжался от 35 до 10 тыс. лет тому назад.

Наиболее яркий след археологических культур верхнего палеолита – пещерная живопись. Иногда создается впечатление, что изобразительная деятельность первых сапиенсов возникла внезапно и беспредпосылочно. Но от обитателей среднего палеолита, неандертальцев, несколько очень простых свидетельств образного мышления все-таки осталось: углубления в камне, кусочки охры, медвежьи черепа на каменных пьедесталах (так называемые натуральные макеты). Пещерное искусство эволюционировало в нижнем палеолите более 20 тыс. лет. Ранние художественные опыты ориньякцев скромны: отпечатки рук на краске, так называемые меандры – борозды, проведенные пальцами на влажной пещерной глине. Из меандровых линий выписываются контурные рисунки, сначала их наносят пальцами, затем какими-то орудиями. Маленькие женские статуэтки из бивня мамонта или мягкого камня. Изображения человека редки, но много знаков женского пола. Это – один из первых в истории символов. Вершиной всего палеолитического искусства была пещерная живопись мадлеинов.

Из 1794 наскальных рисунков в пещерах Франции и Испании, учтенных французским археологом А. Леруа-Гураном, 986 – изображения животных, 512 – человека, около 100 – человекообразных существ. Условных и обобщенных рисунков меньше, чем индивидуализированных изображений животных. Лошади, мамонты, бизоны пещерных галерей созданы точным восприятием, охватывающим как детали, так и животное в целом, и твердой рукой, способной мгновенно прочерчивать мощную контурную линию. В изобразительной деятельности палеолитического человека мы сталкиваемся скорее с «фотографическим» запечатлением образа, чем с эстетическим обобщением (как в более позднем искусстве) или с пиктографией (как у детей) [1]. По мнению историка искусства А. Хаузера, «палеолитический художник еще рисует то, что он действительно видит в определенный момент и при вполне определенном взгляде на предмет. Он еще ничего не знает об оптической неоднородности различных элементов картины и рациональных методах композиции... Палеолитическое искусство без всяких трудов располагает единством зрительного восприятия, достигнутым современным искусством после столетий долгой борьбы» [6, p. 25].

Живопись палеолита – первый полноценный художественный текст – свидетельство появления символического, т.е. собственно

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

культурного, взгляда на мир. Но взгляд этот еще «физиопластический», основанный не столько на абстрагировании и синтезе, сколько на способности извлекать из памяти очень яркие и детальные образы воспринятого. Эта память, близкая по качеству к восприятию, называется эйдетической. Способность к описанию событий словом, возможно, несколько отставала в развитии от художественно-пластических навыков древнейшего Homo sapiens. Косвенным подтверждением этого предположения служит расположение рисунков в пещерных галереях. Выделить здесь какие-то композиционные принципы, за немногими исключениями, не удается. Фигуры располагаются хаотично, одна за другой. Иначе говоря, в палеолитических «картинах» трудно найти сюжет. Это – единичные портреты, сколки ситуаций.

Психическая организация Homo sapiens, которая возникла в нижнем палеолите и проявилась в языке, родовом устройстве, ритуалах, изобразительной деятельности, выводима из сложившегося тогда культурного типа. Это – охотничья цивилизация не только в смысле преобладающей производственной активности и хозяйственной основы, но и в смысле мироотношения, психического склада, эстетической традиции.

Порождением охотничьего отношения к миру можно назвать магию – самую первую знаково-культурную систему организации психики. Теории магии трактуют ее отношение к религии и тяготеют к двум полюсам: на одном магия определяется как практическое демоническое действие, несовместимое с религией, на другом – сливается с ней. Впрочем, большинство авторов признают, что магия – это древнейшее верование и одновременно – действие.

Идеальное удвоение мира у первых сапиенсов, видимо, базировалось на сумме образов, возникающих в движении и обслуживающих его. Избавив передние конечности от опорных функций, эволюция наделила человеческое тело новыми степенями двигательной свободы. Множество моторных комбинаций, доступных человеку, требует психофизиологической регуляции, в том числе с помощью образов представимого ближайшего или более отдаленного будущего. Координация человеческих проектов еще погружена в моторную активность.

Модель телесного действия, порождающего из себя образы и знаки, очерчивает ядро древнейшего психокультурного комплекса, который до сих пор дает основу для массы практик и верований. В их основе – убеждение в способности с помощью всевозможных манипуляций воздействовать на людей и природу. Палеолитические изображения – это аксессуары ритуала. Охотничья магия репетирует

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

появление добычи и овладение ею. Но сводить действо к тренировке невозможно. Магический образ создает «вторую реальность», которая воспринимается как подлинная, первая реальность. События инсценируются, но представляются не как инсценировка, но как подлинные события.

Естественно, что у теории охотничьей магии (ее обосновал один из исследователей пещерной живописи А. Брейль) есть оппоненты. А. Леруа-Гуран так отзывается об этой теории: «В популярных работах пишут что угодно, никогда не проверяя, никогда не критикуя, и взятое из сферы предположений возводят в ранг бесспорного. Доисторический человек с необыкновенной легкостью переодет в рогатого колдуна и занимается в пещерах, подобно миму, подражанием действиям охотников, покрывает стены рисунками беременных кобыл и заколдованных бизонов, соединенных в пары людей и зверей, хижин, бумерангов, гарпунов, ловушек и обиталищ духов. Приложив руку с отрезанными пальцами к стене, обводит ее охрой и тащит под холодные своды пещеры бедняг-подростков, чтобы посвятить их в суровые будни сверхъестественной жизни. Таков примерно смысл хилого и простенького образа пещерной религии» [1, с. 86].

Магические заклинания повелительны и непонятны, они вводят участников, в том числе самого заклинателя, в транс. Звуки как бы сами произносятся гортанью, движения как бы сами производятся телом. Магический ритуал как бы копирует настоящее действие, но с точки зрения рассудка это бессмысленное действие. Цель присутствует, но тут же, будто в забытьи, перекидывается в фазу исполнения. Движение осуществляется без привычного нам участия сознания, тело, как в гипнозе (а часто именно в нем), делает то, что ему задано, но попадая в «иллюзорную реальность», которую само оснащает эмоциями и образами.

Как отмечалось выше, у всех известных этнографии первобытных народов ритуал так или иначе слит с мифом. Миф можно рассматривать как объяснение, сценарий ритуального действия. При возникновении символической деятельности в нижнем палеолите навыки дискурсивного (рассуждающего) мышления и сюжетосложения были, видимо, слабыми. Это и дает основание утверждать, что пещерные изображения и символы были «заготовками», из которых потом сложилась связная, сюжетно и логически упорядоченная картина мира. «...В пещерных рисунках лишь заготавливались некоторые шаблоны, указывавшие на какую-то совокупность объектов и отношений между ними, которые позднее могли оформиться в сюжет. Общие представления последующей эпохи послужили как бы

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

магнитным полем, в котором поэтические заготовки каменного века заняли свое особое место в общей картине и наконец получили свое действительное значение» [3, с. 84].

Вначале позднего каменного века появляются символы коллективного бессознательного, так называемые архетипы. **К. Юнг** называл архетипами «первобытные образы», «ту часть психического содержания, которая еще не прошла какой-либо сознательной обработки и представляет собой еще только непосредственную психическую данность. Архетип как таковой существенно отличается от исторически ставших или переработанных форм» [5, с. 99]. Архетипы обладают энергией создавать символы, «они не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света» [5, с. 65]. Незакрепленностью в какой-либо определенной системе записи, появлением как бы ниоткуда из возбужденной, лишившейся привычных ориентиров психики, высокой энергийностью при отсутствии явной пространственности фундаментальные образы-праформы, о которых пишет К. Юнг, указывают на обстоятельства, при которых в палеолите возникают первые символы человечества.

Зрелая и поздняя первобытность представлены неолитическими культурами. Это – расцвет родового устройства, каменной индустрии, время появления новых отраслей хозяйства – скотоводства и земледелия («неолитическая революция»), больших поселений – деревень и городищ. В неолите появляется дошедший до наших дней общественно-экономический, культурный, бытовой, психологический уклад, который называется крестьянской (земледельческой) цивилизацией. Ее признаки: аграрная экономика, ручной труд, минимальное потребление и простой быт, зависимость от природно-климатических ритмов, естественно-демографическая саморегуляция (когда есть хлеб насущный – усиленно размножаются, когда нет – вымирают). Идеология крестьянской цивилизации – миф, анимистические верования (т.е. вера во всеобщую одушевленность мира; когда деревня принимает монотеистическую религию, на поверку она оказывается полуязыческой); основная социальная ячейка – большая семья. До XIX в. сплошь урбанизированные регионы редки, города встают островами из крестьянского океана. Мировая деревня удивительно однородна: от Атлантики до Китая сходные орудия труда, фольклорные сюжеты, кровнородственные связи и верования.

Ментальность деревни направлена на поддержание ее устойчивого уклада. Историки школы «Анналов» отнесли крестьянскую цивилизацию к «долгой длительности» (Ф. Бродель), «спящей истории» (Э. Леруа-Ладюри). Здесь изменения в укладе столь медленны,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

что людьми не воспринимаются. Жизнь подчинена ритмам природы и аграрных работ, стародавним обычаям, которые, кажется, существуют вечно. Человек тут не ждет быстрой смены событий, погоня за жизненным разнообразием и сенсациями, столь характерная для города, ему чужда. Большинство психокультурных особенностей крестьянской цивилизации основаны на том, что это: а) «экологическое» сообщество, погруженное в природу и воспроизводящее ее ритмы; б) среда непосредственного общения, где люди знают друг друга в лицо и проводят всю жизнь в знакомом окружении.

Люди, живущие в окружении питающей природы, определяют себя и свой мир посредством символизирования процессов роста и размножения. Мировоззрение зрелой первобытности предстало мифом. Греческое слово «миф» означает повествование, слово, речение. Мифы – это короткие рассказы о деяниях предков и происхождении вещей. Отдельные рассказы организованы в систему жизненных представлений народа или эпохи – в мифологию.

Исторической психологии миф представляется сложным, развивающимся и неоднородным. По отношению к первобытному, дописьменному мифу (как и по отношению к первобытной магии) она пытается выделить некое исходное ядро, обязанное своим происхождением определенному способу жизни, которое входит в историческую традицию и трансформируется со (в том числе с помощью письменной записи и научных объяснений). Исчезнуть из человеческого обихода миф не может, так как всегда сохраняется его основа: кровнородственные отношения между людьми, быт, образное отражение мира, метафорический язык, иначе говоря, самовосприятие человека как биологического существа в обществе символическими средствами культуры. Историческая психология пробует постичь первобытный миф, как дописьменную ментальность, которая воплощена в богатых знаковых системах устной коммуникации.

Психологическое значение первобытной эпохи заключается в том, что она закладывает основы человеческой психики, притом психики, обеспечивающей непосредственную адаптацию культурно-знаковыми средствами. Задача примитивной общности, прежде всего, – воспроизводство наличных форм жизнедеятельности и сознания. Это достигается поддержанием status quo человеческих потребностей и отношений. Изменения наступают только при вызове со стороны природного окружения или других общностей. Сам по себе кровнородственный коллектив, находящийся в изоляции в устойчивых природных условиях, в масштабе исторического времени практически не изменяется. Это доказывается наблюдениями этнографов над изоля-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тами. В них происходит почти биологическое совершенствование законсервированных форм жизнедеятельности. Первобытная психология в своей основе – это защитная, стабилизирующая организация сознания, можно сказать, знаково оформленный инстинкт самосохранения (сохранение кровнородственного коллектива в его борьбе с природой и соседями).

Первобытная картина мира представляет все природные явления результатом чьих-то действий. Каждый человек может вызвать ужасный катаклизм по неведению или злонамеренному умыслу. Ведь природа состоит не из причин и следствий, но из персонажей, с которыми люди находятся в свойстве. Даже умерев, человек не перестает с ними общаться. Мертвецы остаются в компании людей и духов как покровители, вампиры, оборотни, демоны. Мифология – мировоззрение общества непосредственного общения. Там, где опыт ограничен личными контактами, а цель – выживание родственного коллектива, все одушевлено и наделяется человеческими стремлениями. Различия между социальным и природным воспринимаются слабо, и весь мир – большая община родичей и соседей.

Пресловутый вопрос «Был ли первобытный человек личностью?» вызывается, как правило, «несобранностью» биологических, социальных, духовно-психологических характеристик представителя архаики в единстве самопереживания и самосознания. Исследователь, привыкший к четким логическим критериям и самоопределениям личности, должен или признать, что в обществе, где эти измерения едва намечены, личность не существует, или искать иные способы (в том числе неписьменные) выражения личности в культуре.

Первобытное общество непосредственной коммуникации создает надежные и гибкие способы закрепления социального опыта, опирающегося на слово и память. Строение индивидуальной психики и соответствующих ей знаковых систем культуры обусловлено задачей надежного запоминания. Культура является мнемонизированной (так же как при рассмотрении с других позиций она может быть названа моторно-слуховой, коммуникативной, аффективной и т.д.).

Психологическая организация личности с этой точки зрения является результирующей мнемонической задачи и средств запоминания. Первобытная память, как и логическая, иногда требует высокой точности запоминания, и тогда она превращается в эйдетическую память, стоящую на границе с восприятием.

Но гораздо чаще степень точности воспроизводимого материала не очень велика. В традиционных обществах передача трудовых навыков происходит не теоретически, а непосредственно. Роль относи-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тельно простых, заученных до автоматизма операций велика. В этих обстоятельствах роль опосредованного запоминания, как можно судить по современным межкультурным исследованиям в психологии, менее велика, чем у современного человека. Но память, помимо функций закрепления элементов трудовой деятельности, играет еще важную роль в связывании человека с его общностью, в создании образа «Я». В этом качестве современная и первобытная память действуют по-разному. Мнемоническая функция первобытного человека принимает форму мифологической памяти, пронизанной фантастическими образами, со своей специфической системой опосредования и знаковыми средствами закрепления информации. Отсюда – путь к выделению двух типов мнемонизации, логического и образно-фантастического, которые в первобытности слабо расчленены.

Заметим, что представление об особой роли фантастических образов для запоминания в дописьменных культурах разделяется многими этнографами и психологами. В первобытном сознании, как и в первобытном мифе, все связано многозначными связями, сложность которых основывается на фундаменте очень простой, нерасчлененной жизнедеятельности. Так, семья (шире – кровнородственное объединение) – первичное звено по переработке чувственного материала в символы и стереотипы. В семейной среде можно проследить всю последовательность семиогенеза – от неоформленных детских впечатлений к знакам и символам.

Обратим внимание на еще одно обстоятельство. Коллективная память дописьменного периода представляет собой сумму знаний, хранящихся в памяти живых людей, поэтому она нуждается в непрерывном повторении и заучивании фактов, составляющих ее содержание. Необходимость точности воспроизведения приводит к созданию укрупненных, постоянно повторяющихся смысловых блоков (магические формулы, сказочные зачины, стереотипные характеристики и т.д.), которые ритмически организованы в ансамбли, называемые американским филологом У. Хэйвлоком племенными энциклопедиями (пример – поэмы Гомера). Как можно достичь максимальной эффективности заучивания и воспроизведения материала, когда источником информации является речь (часто ритмизированная и эмоционально окрашенная), когда знания существуют в виде истории богов и героев, а не в понятийной форме? Только путем идентификации с персонажами сюжета и соучастия в действиях рассказчика.

Психологические механизмы первобытной технологии знаний представляют собой состояние полной эмоциональной включенно-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ти в события, о которых повествуют и которые требуется запомнить.

Рассказ первобытного сказителя несет в себе гипнотический эффект. Воспроизведение же материала в этом случае неотделимо от импровизации, оно сопровождается психомоторной активностью (пением, пантомимой или танцем) и мобилизацией всей энергии. Постоянная идентификация с рассказчиком ради запоминания предполагает сильно развитые навыки имитации телесных движений собственника. На полюсе социальных отношений первобытное воспоминание-исполнение-сопереживание предусматривает повышенную конформность, авторитет для первобытного человека – это всегда звучащий и воспроизводимый авторитет.

Личные воспоминания вовлекают человека в общественную жизнь, его сознание через сеть ассоциаций входит в коллективную память рода. В первобытном сознании грани между прошлым, настоящим и будущим, различия между общим и единичным смутны. Письменность (уже – литература) создает биографию личности, мифология – коллективную память. Уникальность индивидуальной жизни находится вне разрешающих возможностей коллективного опыта.

Хотя жизнь доисторического человека переполнена незатейливыми хлопотами и простыми эмоциями, наука уделяет им должное разве что в путевых заметках и в ностальгических трактатах о золотом веке на лоне природы. Сама первобытность неукоснительно поставляет потомкам психомоторные схемы живого тела и символы питания и размножения.

Смысл жизни при попытке его выразить разбивается на слова, образы, на последовательности отдельных историй. Это уже не просто коллективная эмоция, которой достаточно наглядного (и безъязыкого) проявления в жесте, выкрике, пантомиме. Словесное выражение должно переложить эффект в рассказ. Первобытный рассказ – это не чисто словесный текст, но непосредственное общение-заражение. Соучастие как непременный элемент ритуальной коммуникации вытекает из непосредственного, жестово-мимического характера действия. Мифологический знак-жест воспринимается со священным трепетом, идущим от эмоциональных глубин личности. Миф нельзя до конца осмыслить, его жизненный смысл надо постигать всем существом. Выработка рационального отношения к мифу означает почти полное обездвиживание тела. В первобытной культуре рациональное начало борется с мифологическим, но никогда не может победить вследствие непосредственного характера отношений в этой культуре [4, с. 177-217].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Литература по теме:

1. *Леруа-Гуран, А.* Религия доистории // Первобытное искусство / А. Леруа-Гуран. – Новосибирск: Наука, 1971. – 260 с.
2. *Поршнев, В.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палнопсихологии) / Б.Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
3. *Топоров, В.Н.* К происхождению некоторых поэтических символов (палеотическая эпоха) // Ранние формы исусства / В.Н. Топоров. – М.: Искусство, 1972. – С. 77-104.
4. *Шкуратов, В.А.* Историческая психология / В.А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.
5. *Юнг, К.* Архетип и символ / К. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
6. *Hauser, A.* The Social History of Art / A. Hauser. – London, 1951. – Vol. 1.

Тема 8. Психология античности

Собственно история начинается в наиболее развитых частях ойкумены (долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Хуанхэ) около 5 тыс. лет назад. Приметы новой эпохи общеизвестны: земледелие и скотоводство, металлы, города, государство, письменность. В XIX в. американский этнограф Л.Г. Морган определял наступление истории («цивилизации») по выплавке железа и появлению буквенного письма. Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана) присоединил к моргановскому списку классы, частную собственность и государство. **К. Ясперс** ведет историю от появления письменных свидетельств: «К истории мы относим все то время, о котором мы располагаем документальными данными... Письменные источники нигде не датируются ранее 3000 г. до н.э., следовательно, история длится около 5000 лет» [4, с. 55-56].

В представлении историков ментальностей достижения античности связаны с городом. Город зажигает в крестьянском окружении очаги новой жизни. Урбанистический уклад разворачивается в цивилизацию, которая врастает в деревенский мир, трансформирует его, но не сливается с ним. Город грабил деревню, за ее счет он воздвигал свои каменные башни и храмы, школы и театры, кормил своих чиновников и люмпенов. Деревня откупалась и жертвовала необходимым, но сохраняла ядро своего существования: натуральное хозяйство, большую крестьянскую семью, простой быт, непосредственные отношения между людьми, сезонный ритм жизни, традиционные ве-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

рования и крестьянскую ментальность. Деревня была неграмотна, но прекрасно передавала опыт от поколения к поколению через живой пример, устное предание и ритуал. Крестьянская цивилизация исчезает, когда ручной труд на полях заменяется машинами, а тесная соседская общность и древний быт – независимой и комфортабельной жизнью фермеров. Городская цивилизация событийна, она нуждается в жизненном разнообразии и политических новостях. Стремительные и плохо объяснимые колебания событий, перемежаемые скандалами, кризисами и прочими явлениями политической взрывчатости, составляют среду индивидуализированной личности. Место (точнее, время) обитания традиционного крестьянства иное, и найти общий язык с нервными потребителями политических сенсаций человеку крестьянской цивилизации крайне трудно.

В перечне достижений, обозначающих рубеж между историей и доисторией, чаще других фигурирует письменность. Письменность обозначает водораздел двух культурных и человеческих складов, лучше и универсальнее чем технологические, экологические, социальные предметы. Письменность расчленяет жизнь на события и факты, она более приспособлена для передачи индивидуального и уникального опыта, чем устная традиция. В общераспространенном значении слова письменность – это запись и передача информации, в менее распространенном – форма существования книжного, «образованного» человека, во всяком случае, его интеллектуально-духовного «Я». Письменный труд не просто обеспечивает средствами к жизни, но в некоторых случаях сам является особой жизнью. Графическая запись дает начало техническому употреблению письма (административно-канцелярскому, образовательному, бытовому). Техническое письмо начинает отпочковываться от искусства и магии, возможно, еще в палеолите и уже на наших глазах дает жизнь языкам ЭВМ. Сущностью письменной цивилизации является посредничество между мыслью и действием. Графическая запись не просто обеспечивает сохранность наблюдения и мысли, она создает реальность такой же достоверности и наглядности, как и природа. Литература демонстрирует, как из значков можно создавать целые миры. Разделение культур на дописьменные и письменные возвращает текст в разряд исторических категорий.

В момент своего возникновения в цивилизациях Древнего Востока письменность служит целям, неизвестным первобытности. Большая часть древнейших текстов – это государственные и административно-хозяйственные документы: распоряжения, списки, хроники, лексиконы. Европейская древность называется античностью (от лат.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

antiquitas – древность, старина). Это – история Древней Греции и Древнего Рима вместе с народами, вовлеченными в их культурную и военно-политическую орбиту. Европейское человечество видит в древних эллинах и римлянах своих прямых исторических предков. Отсюда оно выводит свое особенное место в мире, противопоставляясь неевропейскому кругу народов. Отсюда оно начинает линию культурной преемственности эпох. В этой последовательности античность имеет значение истока «родовых» свойств европейского человечества, которые проявляются в собственно европейских (эллино-римских) открытиях философии, науки, политической демократии, гражданского права и соответствующих свойств личности и ума: логического мышления, индивидуалистичности, рефлексии. Античное начало европейской истории имеет свои истоки, которые называются Эгейской (или крито-микенской) цивилизацией (3-2 тыс. лет до н.э.). Эгейский мир – европейский по территории и неантичный по характеру; до конца XIX в. о нем было известно только из эпических преданий и легенд, его открытие продолжается до сих пор.

О первоначальной истории древних греков мы узнаем из двух поэм, приписываемых легендарному слепому поэту Гомеру, – «Илиады» и «Одиссеи». Они повествуют о троянской войне, но корни сюжета уходят глубже в мифологию. «Илиада» – один из эпизодов троянской войны. «Одиссея», которая была написана позже «Илиады», – поэма о странствиях возвращающегося на родину с войны царя Итаки Одиссея. «Илиада» и «Одиссея» – первые произведения европейской литературы. Историческая достоверность поэм с конца XVIII в. была поставлена европейской наукой под сомнение. По мнению представителей критического направления классической филологии, поэмы складывались как своего рода сборники древнегреческого фольклора под пером собирателей народных песен и преданий. Делался вывод, что рассказы о троянской войне – вымысел. Гомер не мог быть ее свидетелем, он жил спустя сотни лет после событий, о которых повествовал. Историческое ядро его сюжетов сложилось из богатых преданий и воспоминаний коллективной памяти его среды. Прошлое отодвинуто от убогого настоящего на расстояние эпического преувеличения, подобающего блеску героев, но историческая канва сохранена. Сквозь наивную простоту и преувеличения, свойственные детству человечества, просвечивает опыт зрелой цивилизации. В повествовании различимы два или даже три исторических плана: время создания поэм (гомеровская эпоха), век ахейцев – героев троянской войны и, наконец, еще более древнее прошлое Эгейского мира, олицетворяемого владетелем критского лабиринта Миносом. Автора

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

«Илиады» и «Одиссеи» окружал непритязательный быт, но за его спиной была двухтысячелетняя цивилизация. Сочетание свежей простоты и высокой искусности сделало первые памятники европейской литературы ее величайшими шедеврами. Через эпос греческого народа античность получила Эгейское наследство: олимпийскую мифологию, родословные легендарных царей и героев, сюжеты троянского цикла. Но мир, сохранивший духовную преемственность с этой своей первоосновой, был уже иным.

Старое, встретившись с новым, не разрушилось окончательно, но и не стало воспроизводиться, как это бывало на Востоке. Возник синтез, свойственный европейской модели развития: при качественных изменениях в обществе и мировоззрении сохранялась высокая преемственность эпох. Дорийские племена, сокрушив ахейские царства, не стали воссоздавать сами централизованную монархию. Приняв мифы и предания прошлого, послеахейская Эллада создала общественный строй и культуру нового, античного типа.

Крупный знаток античности Ж.-П. Вернан следующим образом обосновывает уникальность древнегреческой культуры для психолога. Во-первых, наши знания о жизни древних греков гораздо более обширны и многосторонни, чем о каком-либо другом народе древности. Они касаются политики, идеологии, науки, литературы, быта и т.д. Во-вторых, современная цивилизация достаточно отличается от эллинской, чтобы существовала историческая дистанция между ними и нами, в то же время между двумя эпохами есть духовно-психологическая совместимость. «Достаточно отдаленный от нас, чтобы его можно было изучать как объект, и как иной объект, к которому точно неприменимы наши сегодняшние психологические категории, греческий человек в то же время достаточно близок нам, чтобы мы могли без больших затруднений войти в контакт с ним, понять язык, которым он говорит в своих творениях, постичь за текстами и документами психическое содержание, формы мышления и чувствительности, способы организации воли и действия, короче – архитектуру духа» [1]. В-третьих, на протяжении нескольких веков Древняя Греция претерпела огромные изменения в социальной и духовной областях и в формах существования социального индивида, от «человека религиозного» архаических культур до политического и рассудочного человека аристотелевских определений. «...Эта мутация вовлекла в действие важнейшие стороны мышления и весь набор психологических функций: способов символического выражения и употребления знаков времени, пространства, причинности, памяти, воображения, организации действий, воли, личности – всех психологических

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

категорий, трансформирующихся в их внутренней структуре и общем равновесии» [там же].

Схема зарождения рационального сознания в Древней Греции содержится в работе Ж.-П. Вернана «Происхождение древнегреческой мысли». Эта небольшая книга, написанная в 1962 г., сохранила значение благодаря широкой социальной исторической перспективе, в которой показано вызревание основных классов европейского человека. Психологическая неконкретизированность концепции Ж.-П. Вернана в духе его учителя И. Мейерсона здесь заменяется последовательным проведением социогенетического принципа: изменения в познавательной деятельности представляют собой не частный факт, а включены в социальные изменения огромного масштаба. Ведущие для эпохи социально-политические отношения индивидов трансформируются в обязательные для каждого члена общества нормы сознания.

Подлинным стержнем рассматриваемой концепции, придающим ей устойчивый и оригинальный характер, является анализ роли социально-политических структур архаической Греции в становлении рационального мышления. Деспотическая система управления сменилась неустойчивым политическим равновесием противоборствующих сил: группировок родовой аристократии и сельских общин. Последствия, которые будет иметь новая историческая ситуация для судеб европейской культуры, огромны: «Поиск равновесия, согласия между этими противостоящими силами, которые высвободились с крушением дворцовой системы и которые время от времени приходили в столкновение друг с другом, вызывал к жизни нравственную рефлексию и политические спекуляции, определившие первую форму человеческой «мудрости» [1, с. 60].

Мудрость (греч. – софия) была важнейшим шагом в движении от мифа к логосу, ответом на разрушение архаического мировоззрения. Она скрепляла расколовшийся социальный порядок. Но мудрость и мудрецов ценили не только древние греки. Мудрость человечества, которой мы пользуемся до сих пор, рождается в той суровой схватке с хаосом, которую вело человечество на рубеже истории и доистории, с хаосом, взорвавшим предыдущий порядок. У К. Ясперса есть понятие осевого времени, которое имеет хронологический и географический смысл. По мнению немецкого мыслителя, оно охватывает примерно 800 – 200 гг. до н.э., когда на географической оси, протянувшейся от Восточного Средиземноморья до Восточного Китая, происходят примерно одинаковые явления: создаются государства с письменностью, городами, форумами, а отдельные культурные очаги, существовавшие до этого, сливаются в сплошную полосу

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

цивилизации. Это – эпоха духовного объединения человечества: биологическое и территориальное произошли раньше. «Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день» [4, с. 32]. Но важно уточнить, в чем состоит та общность, которая сейчас позволяет европейскому интеллигенту ощущать свою сопричастность человеку из Индии и Китая. Традиционные бытовые условия этих стран покажутся нам странными, если не отталкивающими; что касается общих коммерческих, экономических тем, то они универсальны в том смысле, что наднациональны и принадлежат последнему времени. Гораздо более глубокое влечение проявится в интересе к индийской и китайской мудрости – продукту осевого времени, и проявится потому, что европейская культура была со своими современниками однотипна и только-только начинала нащупывать способы разрыва, дифференциации. По К. Ясперсу, между 800 и 200 гг. до н.э. всякий человек со сколько-нибудь выраженными умственными, культурными интересами мог чувствовать себя как дома от Эллады до Китая. Первый биограф античных философов Диоген Лаэртский, очень озабоченный тем, чтобы честь изобретения философии не досталась варварам, все же с полным уважением перечисляет персидских магов, ассиро-вавилонских предсказателей и звездочетов, египетских жрецов, индийских отшельников-гимнософистов; несмотря на эллинский патриотизм, он не находит особенного различия между ними и своими мыслящими соотечественниками. Это потому, что Диоген Лаэртский слабо различает мудрствование и научно-философские исследования. В указанное время в Китае жили Конфуций и Лао-Цзы, в Индии – Будда, в Иудее – библейские пророки, в Греции – Гесиод, Солон, Гераклит и Сократ. Этих людей трудно назвать учеными и даже философами, это – мудрецы. Если мы посмотрим, какова отправная точка умственных усилий осевого времени, то окажется, что это хаос. Общим знаменателем мудрости является весьма острое осознание контраста между хаосом и порядком, частичностью и всеобщностью, а также усилие соединить в целое общность и человека на определенной – духовно-интеллектуальной – основе.

Первым прибавил к слову «софия» приставку «фило», если верить Диогену Лаэртскому, был Пифагор. Он сказал, что мудрецом может быть только бог, а человек стремится к мудрости, он философ. Известно, что в литературе термин «философия» применяется только к западной мысли, а восточная мысль остается «софией» или «предфилософией» (оставаясь в пределах знания западного типа, отечественная мысль устами Владимира Соловьева заявила о желании стать софиологией.)

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В работе Ж.-П. Вернана «Происхождение древнегреческого мышления» упор сделан на разворачивание стандартных, массово-логических приемов мышления в ответ на запросы политической жизни древнегреческого города-государства (полиса). Ж.-П. Вернан ясно показывает, что исторический выход заключался в создании принципиально новой политической организации – города-государства. Новое сознание формировалось как средство поддержания социально-политического равновесия путем выдвижения новых общественных целей и ценностей, изменений, социально-психологических конъюнктур, обеспечения условий для способов поведения. Ж.-П. Вернан очерчивает те уровни, на которых выкристаллизовывался социальный опыт свободного гражданина полиса. Этот опыт впитывал в себя эгалитарный дух соревнования, который автор называет духом агона (агон – арена состязаний). Автор неуклонно подводит к заключению, что далеко идущие изменения в психологии были обусловлены специфическим строем древнегреческого полиса. Рабовладельческая демократия классического периода стала колыбелью не только переживших тысячелетия философских идей и нетленного искусства, она породила такие формы психической деятельности (дискурсивное мышление, произвольная память, самоанализ и т.д.), которые говорят о наличии зрелой личностной организации. Уникальность, но также ограниченность опыта греков заключались в том, что способом социального бытия членов полиса была главным образом политика.

Когда Аристотель называет человека политическим животным, он подчеркивает то, что отделяет греческий разум от современного. Поскольку Homo sapiens есть в его глазах Homo politicus, постольку греческий разум в своей сущности есть разум политический. Всепроникающая политизированность общины-государства порождала мощные психогенные факторы. Как можно заключить из анализа Ж.-П. Вернана, особую личностнообразующую нагрузку несли три момента государственной жизни Древней Греции: 1) огромный престиж живого ораторского слова; 2) массовое распространение публичных дискуссий; 3) относительное политическое равенство, «взаимозаменяемость» свободных граждан города-государства. Французский ученый отмечает прямую связь между политикой и формирующимся эллинским разумом-логосом. Политическое искусство по необходимости есть умение пользоваться языком, и логос во время своего рождения получает сознание самого себя, своих правил, своей действительности посредством своей политической функции. Сделавшись инструментом политической жизни, слово лишилось своего магического характера, уготованного для него в древних деспотиях.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Как известно, в Древнем Китае ему приписывалась способность воздействовать на предметы, индийцы ведического периода отождествляли слово и вещь. Речь жреца или суверена, звучавшая в таинственном полумраке святилища, вызывала трепет и гипнотическое оцепенение. На площадях древнегреческих городов внушение словом было вынуждено уступить убеждению. Совершенно ясно, что перед нами целая революция в способах общения, формах рефлексии, организации отдельных психических процессов и строении психической системы в целом, так как речь опосредует все проявления практической и идеальной деятельности человека. Это должно было вызвать цепную реакцию структурных сдвигов. Светская роль речи и мышления могла установиться только в ходе свободной публичной полемики по самым важным вопросам общественной жизни.

Философия оттачивает средства публичных дискуссий и набирает силы для блестящего расцвета V – IV вв. до н.э. И, наконец, осознавая себя в качестве агента политической жизни, во всем равным себе подобным, в поле сил, где любой мог получить свою долю власти и оставить ее для других, эллин приобретал опыт человеческой индивидуальности. Связь человека с человеком в пределах города склонна принимать характер взаимных, подвижных, изменяемых иерархических связей подчинения и доминирования. Все, кто участвует в государстве, должны определяться как подобные и далее, более абстрактным способом, как равные.

«Греческий разум формировался не столько в ходе обращения людей с объектами, сколько во взаимоотношениях самих людей. Он развивался не столько в связи с техникой, посредством которой воздействуют на внешний мир, сколько благодаря технике, которая воздействует на других и основным средством которой служит язык, а именно политике, риторике, дидактике. Иначе говоря, греческий разум был устремлен на воспитание, совершенствование и образование людей, а не на преобразование природы. Во всех своих достоинствах и недостатках он – дитя полиса» [1, с. 158-159]. Уникальность древнегреческого опыта заключается не в том, что эллины изобрели приемы логически аргументированного доказательства, а в том, что у них эти приемы стали относительно массовыми и общедоступными. Великие восточные цивилизации не знали демократического устройства, а потому не нуждались в стандартизированной технике убеждения, к чему в своей основе сводится рациональное мышление греков. Этнопсихологические исследования демонстрируют, что натуральное сельскохозяйственное производство не создает потребностей в решении познавательных задач, выходящих за пределы непосредственного

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

опыта. Ж.-П. Вернан доказывает, что в Древнем Риме, где господствовал тот же рутинный землевладельческий труд, единственной широкой сферой человеческой деятельности, предъявлявшей спрос на дискурсивное мышление, была политика.

В греческом полисе жили не только политики, философы и художники. Большая часть населения состояла из крестьян и ремесленников при значительном числе рабов. На судьбу культуры и европейской цивилизации оказала влияние, однако, не эта масса, но относительно немногочисленный слой носителей новой ментальности. Их человеческий тип стал воспроизводиться в европейской истории.

Достоинство исторической психологии в том, что она изучает конкретное место трудовой деятельности в греческом обществе, изучает труд как ментальную категорию, т.е. отражение технической активности в культуре, передаваемой от поколения поколению. В работах И. Мейерсона и особенно Ж-П. Вернана 1950-х гг., несмотря на явное тяготение к марксизму, намечается отчетливое расхождение с последним: конкретные исследования показывают, что между техническим и культурным прогрессом нет соответствия. Греческий ум развивается иждивением физического труда, но связан с ним слабо. Несомненно, что за рамкой высших достижений эллинской цивилизации (технических открытий среди них нет) остается архаическая, примитивная ментальность, пронизанная аграрной и ремесленной магией, сезонными ритуалами. Она и составляет подпочву греческого разума, который, естественно, должен быть изучен целостно.

Падение оценки материальной деятельности человека наблюдается у Платона (V – IV вв. до н.э.). За ремесленником он не признает самостоятельной мотивации. Истинным производителем является не тот, кто делает, а тот, кто заказывает. Ремесленник же подобен физической силе огня, воды или своих инструментов. К физическим усилиям способен каждый, в них нельзя найти человеческой мотивации и (говоря современным языком) операционального состава. Психологическим составом обладает деятельность политика и мудреца. Греки не видели сходства различных сфер человеческой активности, поэтому у них не было единого обозначения деятельности. Есть тяжелый, но почетный труд свободного земледельца, он имеет религиозную ценность (и к нему примыкает воинская служба гражданина). Действия под принуждением, доля раба, подневольная работа не обязательно что-то производят, к ним относится все, что человек делает не по своей воле. Когда упор делается на техническом исполнении, то

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

это – творение, поэзия. Упомянутые греческие слова вошли в современные языки, но обобщающего понятия в лексиконе древних греков мы не найдем.

Инженерная мысль в Древней Греции еще не получила своего логического выражения и вынуждена пользоваться приемами более развитых познавательных сфер: философии, риторики или более архаичных (магии). Знаменитый Архимед не оставил описаний своих машин. Александрийские инженеры, наиболее искусные и ученые среди эллинских «механиков», дали только очень грубые, приблизительные описания своих изобретений, которые, похоже, создавались методом проб и ошибок. Ремесленнику классического периода на шкале общественного престижа оставлена жалкая роль поденщика. Его дело – выполнять заказы. Власть в полисе переходит к хозяевам слов. Процесс в политике означал застой в технике. Чтобы преодолеть это противоречие, нужна была иная, неантичная ментальность.

В истории Древней Греции (если отбросить крито-микенскую эру) выделяют 4 периода: гомеровский (до VIII в. до н.э.), архаический (VII – VI вв. до н.э.), классический (V – IV вв. до н. э.), эллинистический (с IV в. до н.э.). Решающий сдвиг в сознании и поведении индивида относится к концу архаической – началу классической эпохи, времени, когда произошел переход от родоплеменного строя к полисному, возникли философия, наука, литература. Обширные изменения произошли в экономике, социальном устройстве, образе жизни. Направление движения греческого общества в эти века – от архаической «культуры стыда» к классической «культуре вины». Это означает, что основанное на внешних санкциях и стыде поведение индивида все больше направляется внутренне прочувствованными решениями, чувством вины – свидетельством духовной сложности человека. Исторический психолог З. Барбу пишет: «Греки были первыми, кто построил тип цивилизации, которая сделала человека способным сознавать себя индивидом. В Греции история древнего мира перешла от доиндивидуалистической к индивидуалистической ступени» [5, p. 76]. Она привела к «развитию специфической формы самосознания членов греческих общин, которая определила возникновение личности индивида как основной единицы и высшей ценности жизни» [там же]. Это – традиционный тезис европейской историософии: Восток неиндивидуалистичен, в Древней Греции появляется современная (европейская) личность с полным осознанием своей уникальности. По мнению Ж.-П. Вернана, он звучит абстрактно, потому что древний грек – не венец развития, но Homo politicus, человек гражданского самоуправления, которое в некоторых случаях

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

расширялось до античной демократии, вне которой стояли рабы, женщины, иностранцы. Самосознание и социальная автономия классического грека сводились к определению своей взаимозаменяемой и равной другим позиции в игре политических сил и логических аргументов. За первобытным человеком часто отрицают способность к альтернативному мировосприятию и делают его абсолютным эгоцентриком (аргумент: он не может абстрактно мыслить и отвлечься от конкретной ситуации). С другой стороны, личность с пустотой в центре - это, разумеется, модель полного социоцентризма, так как индивидуального самосознания здесь вообще не предусмотрено, оно заменено набором коллективных представлений.

В античности устное исполнение находилось в равновесии с письменной культурой. Философия, наука, политика творились в публичных дискуссиях. Слово здесь понятно, так как подкреплено интонацией, жестом, может быть само по себе не отягощенным внутренними формами и графическими сложностями текста. «Слово ценилось античностью потому, что оно позволяло человеку свободному и досужему полностью раскрыть свою общечеловеческую природу и в этом почувствовать свою связь с такими же членами общества. Поэтому именно вокруг словесности, вокруг слова как средства общения и взаимопонимания строилась вся образовательная программа античной школы. Никакие специальные знания в эту программу не входили - ведь специализация не сближает, а разобщает людей» [2, с. 11].

Поздняя античность занята технологией слова. Вся система средневековой учености закладывается в эти заключительные века древности. Эпоха работает для передачи своего наследия потомкам. Она в напряжении: успеть, уложить, отправить культурные накопления в будущее перед тем, как античный корабль пойдет ко дну. Самые выдающиеся личности эпохи понимают свою роль на редкость отчетливо. Боэций Северин – «последний римлянин», придворный варварского короля Теодориха, поставил целью жизни перевести, прокомментировать и дать учебные материалы по всем имеющимся наукам. Последние вещи ему пришлось писать уже в тюрьме, перед казнью за якобы измену своему варварскому монарху. Запад получил из рук Боэция Аристотеля, неоплатоников и другие основы античной философии. Они составили предмет средневекового обучения. Хотя такое совпадение исторической и личной судьбы – редкое исключение, объективно IV – VI вв. работали на передачу античной словесности, вырабатывая квинтэссенцию ее учености: грамматики, школьные прописи, примеры. Это происходило далеко не обязательно от исторической дальновидности. Просто угасающая римская

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

государственность до времени поддерживала основу своего существования. Императоры понимали, что без письменного делопроизводства бюрократическое управление невозможно, поэтому заботились о грамматических школах, а школьные наставники, случалось, попадали на высшие государственные посты. Так на закате цивилизации у письменности оказывается главный покровитель и хозяин – государство.

Вклад античности в европейскую культуру слова велик, но уложить живое выражение в риторическую формулу, разумеется, нельзя. Поэтому его приходится реконструировать из других частей античного наследия. Это не говоря о том, что античный духовно-психологический склад имел и несловесную часть.

Европейская мысль издавна пытается выявить самое существенное, сокровенное в своем античном прошлом. Марксистский формационный подход не принят мировой наукой. Классовое объяснение может претендовать только на роль одной из гипотез, к тому же довольно уязвимой. Во-первых, в ранней и классической античности рабский труд не был основой экономики: рабы использовались преимущественно как домашние слуги, а также на тяжелых и непрестижных работах. Во-вторых, производственно-экономическое воздействие дает только одну группу факторов, влияющих на психику. Мы не можем вывести античную специфику из одного элемента.

Полисное устройство (которое само возникло в ответ на определенные обстоятельства греческой истории) напрямую связано с более или менее массовым распространением грамотности, стереотипной логики, доказательной речи и социально-инициативной личности. Нельзя забывать и о ландшафте Эллады. Это маленькая, но очень пестрая и живописная страна, поделенная морем и горами на полунезависимые области. Природа противится объединению, но не создает особых препятствий для общения. Здесь много наслаждений для взгляда, ценимых греками среди высших радостей жизни. Природа, традиция, историческая задача осмысления образов мифа создали в Древней Элладе идеальные условия для эстетической чувственности и пластического оформления опыта.

Античность является колыбелью достижений, которые западная цивилизация считает показательными для себя: научных, философских, политических, правовых. Быстрый, пытливый ум и подвижная городская личность, которые стоят за открытиями европейской древности, соседствуют в эту эпоху с малоподвижным аграрным бытом и традиционными воззрениями. От начала до конца своего существования античность рассказывала и распространяла мифы во все новых

Электронный архив библиотеки МГЛУ имени А.А. Кулешова

разновидностях: учено-книжных, философских, художественных, религиозных. Античность оставила человечеству не просто отдельные открытия и навыки, но способ познания и саморегуляции, где логика и чувственность, понятие и образ сходятся в созерцании форм. В общих определениях-формулах, которыми описывают античность, преобладают слова «гармония», «созерцание», «пластика».

Следует помнить, что в формулах античности дается оценка дошедшего до нас духовного наследия, более того, той его части, которая помогает современному человеку развивать и укреплять свою этнокультурную устойчивость. Эстетический канон греческой классики был и остается примером соединения образа и мысли, опасно разошедшихся в современной цивилизации. Личность XX в. находит в своем культурном генофонде готовые схемы мировосприятия и защиты от внутренних конфликтов, пришедшие из греческой античности. Ведь это - ее исторический и психокультурный базис.

С появлением на исторической сцене Рима поток цивилизации в очередной раз разветвился. Если Греция – прародительница европейской цивилизации, то Рим дал начало ее западной ветви. История Рима рассказывает о том, как из маленького поселка на семи холмах возникла огромная империя и как она пала. Эта история делится на три периода: 1) древнейший (царский) – VIII – VI вв. до н.э.; 2) республиканский (VI – I вв. до н.э.); 3) имперский (I в. до н.э. – V в. н.э.). В римской истории нет места эллинскому долговременному разновесию равномощных сил, нет мозаики городов-государств, которые длительно сосуществуют без объединения; геополитическая дилемма маленького города в центре Апеннинского полуострова была другой: победить соседей или быть побежденным. В римском национальном характере проявляются громадная целеустремленность, дисциплинированность, организационные способности. После падения древней монархии Рим – олигархическая республика, цель которой состояла в расширении и удержании жизненного пространства. Эта история пропахла солдатским потом. Государственное устройство называется disciplina rei publicae, дисциплина общего дела, т.е. организованного участия в нем граждан. В Риме мы находим четкую организацию, иерархию, которых нет у древних треков. Это – довольно консервативное общество, в то же время это не азиатская деспотия. Римляне создали государственно-юридическую систему, закрепленную в правовых статьях и кодексах. В их жизни огромную роль играл контракт. Римское право – венец римского взгляда на мир. Оно разделялось на публичное (jus publicum) и частное (jus privatum). В нем скрупулезно разработаны нормы владения. Тракту-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ются обязательственные (контрактные) отношения, договор, отношения товаровладельцев и товаропроизводителей, правоспособность, порядок наследования и т.д. Римская юриспруденция стала основой гражданского права в современном обществе.

Римский характер, в отличие от эллинского, не созерцательный, а практичный. Собственные божества римлян были лишены биографии и определенного облика. Даже их пол определить трудно, и верующий обращался к предмету почитания в сомнении: «Бог ты или богиня». Впрочем, это не имело особого значения. Ведь римская мифология, в отличие от греческой, – это не сборник рассказов о происхождении, семейных делах и похождениях богов, а список правил поведения в определенных обстоятельствах. На свадьбе надо делать одно, на похоронах – другое, при рождении ребенка – третье.

В мировоззрении Древнего Рима, как и в его политическом устройстве, оказались законсервированными архаические черты. Римская религия – это преимущественно ритуал, объединяющий человека с хранителями его рода, фигурами прошлого и силами природы в контрактном, деловом отношении. Здесь господствует принцип «do, at des» («Я даю, если ты даешь»). Жертвоприношение богу – это плата за услугу. Если все сделано правильно, божество должно откликнуться, так как имеет соглашение с гражданской общиной. Если оно пренебрегает своими обязанностями, то рискует остаться без приношений. Культ был сух и формализован, он являлся делом общины, рода, корпорации, государства. Латинское religio (отсюда слово «религия») означает «связь». Эту связь между двумя частями мира надо поддерживать по правилам.

Сочетание сверхозабоченности текущим и скрупулезнейшего ритуала делает понятным, почему греки считали верования своих апеннинских соседей суевериями. Громадное место в культе римлян занимали вещие знаки (предзнаменования) и гадания. Для римской религии предзнаменования все равно что телесные символы для греческой художественной мифологии. Верование приближается к активному выспрашиванию и выслушиванию божественных сообщений о ходе дел. Практичный и здравомыслящий римлянин был суеверен. Государственные дела и военные походы откладывались из-за неблагоприятных гаруспициев (гадательных предсказаний по внутренностям животных). Чтобы повернуть события в свою пользу, прибегали к магии.

И сильные, и слабые стороны латинского ума как-то связаны с его истоками. Не отягощенный большими образными богатствами, вышколенный ритуальным формализмом, он и продвинулся к чистым абстракциям дальше, чем греческий. Юридический казуизм, дис-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

циплину мышления, административный порядок подарил Европе державный город. Но эти достижения в глазах потомков затмил блеск эллинской пластики. В этом сказывается избирательность оценки прошлого и привилегированное место, которое в духовной культуре занимают философские учения, произведения искусства и мифологические рассказы [3, с. 217-275].

Литература по теме:

1. *Вернан, Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан. – М.: Прогресс, 1988.
2. *Гаспаров, М.Л.* Поэзия риторического века // Поздняя латинская поэзия / М.Л. Гаспаров. – М.: Худож. лит., 1982.
3. *Шкуратов, В.А.* Историческая психология / В.А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.
4. *Ясперс, К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
5. *Barbu, Z.* The problems of Historical Psychology / Z. Barbu. – N.Y., 1960.

Тема 9. Психология средневековья

Средневековье – пестрый конгломерат народов и стран – представляет все-таки единую цивилизацию. Его общественно-экономический строй (по крайней мере, в крупных и развитых странах Европы) – феодализм; средневековые европейцы – христиане, их мировосприятие теоцентрично, т.е. сводит все сущее к промыслу всемогущего Бога. Христианская культура сохраняет основные достижения греко-римской античности, но отрицает языческое отношение к миру.

Термин «средневековье» условен. Итальянские гуманисты противопоставляли «темным» средним векам (medium aevum) золотой век античности (культурный канон) и современность, когда происходит восстановление классики. Это идеологическое разделение стало полезным обозначением эпохи, когда язычество и монотеизм, община и государство, город и деревня, универсализм и замкнутость, книжность и неграмотность сталкивались как поляризованные и равномощные силы. «Средневековым миросозерцанием, – писал русский философ В. Соловьев, – я называю для краткости исторический компромисс между христианством и язычеством, тот двойственный полуязыческий и полухристианский строй понятий и жизни, который сложился и господствовал в средние века как на романо-германском Западе, так и на византийском Востоке» [5, с. 344].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Сходное определение дает эпохе и современный французский историк Ж. Ле Гофф. В его определении средневековье унаследовало от Рима борьбу двух вариантов развития: открытости и закрытости. «Десять веков потратил средневековый Запад, чтобы сделать выбор между стоявшими перед ним альтернативами: замкнутая экономика или открытая, сельский мир или городской, жизнь в одной общей цитадели или в разных самостоятельных домах» [4, с. 11].

В советской историографии, определявшей этот период как становление, расцвет и начало упадка феодализма, средние века датировались с V по XVII вв. В немарксистской науке, как правило (для Западной Европы), указывают VI – XV вв. Западноевропейская цивилизация делится на «темное» (VI – X вв.), зрелое (XI – XIII вв.) и позднее средневековье.

Европа после падения западной Римской империи напоминает Грецию после падения Микен: опять на развалинах древних городов – варварские народы. Но масштабы различны: культурное наследие античности несоизмеримо с тем, что осталось после крито-ахейцев. Умственный горизонт средневековья замкнут массой латинских, греческих, еврейских текстов. Эти тексты без конца переписываются и трактуются. Мышление не может пробиться к природным явлениям, оно занято книжными символами. Один символический слой накладывается на другой.

Средневековые символы – это не пластично оформленные телесимволы античности, а таинственные и глубокие письмена, смыслы, полученные миром во время творения его Богом. В познании грамматика подперта магией, хотя последняя и осуждается как попытка овладеть шифром к тексту мира с помощью темных сил.

В плане культурной преемственности средневсковая книжность была отношением к богатому наследству древних. Ее основные духовные заветы и ценности находились позади: и священная книга христиан Библия, и писания святых отцов-основоположников вероучения (патристика), и труды языческих философов античности, на которых основывалась средневековая образованность. Новое варварство не выглядит открытым, свежим миром; перед ним раскрыт некрополь тысячелетий. Средневековье собирает предыдущую мудрость со старанием и робостью ученика. Это культурное занятие дает эпохе и возможность самоопределиться, противопоставить себя предыдущей, столь авторитетной по части знаний: средневековый книжник предан слову и отвергает языческое удовольствие от зрелищ мира.

Разбирать старые тексты трудно, понимание граничит с непониманием. Средневековье переводит и толкует со страстью, затмевающей

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

щей аналогичные упражнения иных эпох, греческие, арабские, еврейские тексты, библейские притчи, сакральные символы, аллегории, алхимические, астрологические и каббалистические знаки, создает этимологии, глоссы (толкования непонятных слов и выражений), комментарии, компиляции, энциклопедии. Средневековая экзегеза (многоступенчатое толкование сакральных текстов), в отличие от современных книжных комментариев, не надеется сделать свой предмет ясным, она ведет ум по кругам тайн, выбраться за пределы которых едва ли возможно. Густейшая вязь переводов, ссылок, параграфов равно питает символическую мысль и символическую фантазию. Возрождение и Реформация начнут с обращения к первоисточникам. Новое время предпочтет тексту дело, средневековье до конца останется в своей символической колыбели.

Важным подспорьем в реконструкции картины средневековой психологии является развивающаяся в последнее время история повседневности. Ее основные темы: история питания, история демографического поведения, история болезней. Эмпирические данные по каждому разделу обобщаются для выделения эпохальных закономерностей материального существования – для психолога представляет немалый интерес тот факт, что европейское общество очень долго состояло преимущественно из молодых людей. Прогресс исторической демографии позволил выдвинуть ряд интересных предположений социально-психологического и психологического характера. Так, исследования Ф. Арьеса показали иные по сравнению с нашими представлениями о супружестве, детях, возрасте, жизни и смерти в обществе, где средняя продолжительность жизни не превышала 23 лет (во Франции до конца XVIII в.) [1].

Гипотеза напряженности мироощущения средневековья и Ренессанса хорошо дополняется картиной жизни, где одно поколение, едва достигнув физической зрелости, немедленно уступало место другому, столь же недолговечному поколению. «В этом невероятно молодом обществе половине населения было меньше 22 лет, а в самых богатых семьях – меньше 16... ...Иные, теснясь за спинами более старших, стремительно сменяли их на самых значительных и авторитетных постах. Человек со способностями рано достигал удачи в жизни и так же рано сходил со сцены. Стремительность жизни, казалось, убыстрялась в непрерывной борьбе со смертью. Быстрая смена правил игры во всех областях городской культуры способствовала артистической карьере и расширяла аудиторию» [8, p. 1351-1352].

Исследования в области сексуального поведения (брачные обычаи, внесемейные половые связи, статистика незаконнорожденных,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

контрацептивные средства и аборты) дают историческому психологу (наряду с данными истории литературы, морали, искусства, фольклористикой) материал для воссоздания межличностных отношений и эмоциональной жизни прошлого. Опустошительные эпидемии чумы, холеры, хронический туберкулез, трахома, венерические и психические заболевания – неотъемлемые спутники человеческой жизни Средневековья. «Черная смерть» (чума) 1348 – 1349 гг., унесшая 25% населения Европы, оставила след в экономике, обществе, сознании на несколько поколений. «Спаси нас, Господи, от голода, войны и чумы» – таково самое распространенное обращение к Богу в средние века. Современные исследования показывают обширную мифологию чумы, проказы, сифилиса в средневековой культуре. Средневековый человек был, видимо, глубоким ипохондриком, и не без оснований.

Голод, болезни, малая продолжительность жизни образуют социальный феномен, известный под названием нищеты. Нищета (означающая помимо ненадежности материального положения еще и противопоставление двух социальных полюсов) является способом социального, физиологического и психологического существования.

Психологические последствия тяжелого продовольственного положения прошлого, медицинские симптомы алиментарной недостаточности позволяют иногда очень точно определить психологический фон событий, о которых повествуют средневековые хроники и, что еще более важно, использовать клинические и полевые данные для воссоздания психических состоянии людей, недоступных прямому наблюдению. Дальнейшее движение исторической реконструкции состоит в прослеживании того, как насущные потребности эпохи отражаются в сфере общественного сознания, давая тем самым индивиду средства для регулирования своих потребностей, а обществу – средства для управления индивидом.

Иерархии потребностей исторически изменчивы. Главенствующее положение занимают наиболее интенсивные потребности, они обусловливают строение всей системы, применительно к ним складывается сфера мотивации. Вся предшествующая человеческая история прошла под знаком неудовлетворенных потребностей в пище, одежде, крове. Понять поведение человека прошлого невозможно, подходя к нему с мерками относительного физиологического благополучия индустриальных обществ нашего времени.

Переизбыток неудовлетворенных потребностей социально опасен. Внимание общества сконцентрировано на главных потребностях, но зачастую не для того, чтобы их удовлетворить, а чтобы обмануть. Чем меньше возможностей у общества удовлетворить создан-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ные им самим и природой потребности, тем шире манипуляция сознанием, разрыв между идеальным и реальным, распространение эрзац-потребностей, защитных механизмов, сферы индивидуального и коллективного иррационального, тем более напряжены усилия по регуляции социального поведения индивида.

Человеческий тип средневековья вырисовывается благодаря работам И. Хейзинги, М. Блока, Л. Февра, Р. Мандру, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа и других историков с психологическими интересами. Найденные этими авторами характеристики складываются в достаточно устойчивый образ.

Специфику средневекового характера видят прежде всего в эмоциональной сфере. Возможно, эмоциональность средневековья сразу бросается в глаза историку ментальностей. В феодальной Европе был распространен тип необузданного и фантазирующего правителя. И, можно предположить, дело заключалось не только в импульсивности властителей, но и в отсутствии представительных органов управления, процедуры коллективных решений, политической культуры гражданского общества. Политика считалась личным, семейным, клановым предприятием, религиозным подвижничеством, рыцарской авантюрой, но никак не работой подотчетных населению служащих и его избранных представителей. «Как правило, нам трудно представить чрезвычайную душевную возбудимость человека средневековья, его безудержность и необузданность... пронзительные оттенки тех могучих страстей, которые обуревали в равной степени и государей, и их подданных... В XV в. внезапные аффекты вторгаются в политические события в таких масштабах, что польза и расчет то и дело отодвигаются в сторону»» [6, с. 20].

Но в средневековой эмоциональности усматривается не только повышенная интенсивность, но и крайняя быстрота смены состояний. Причем переходы происходят между полярными эмоциями: от восхищения к гневу, от подавленности к эйфории, от неуверенности к самодовольству. Указанную особенность психики историки ментальностей называют поляризованностью эмоциональной сферы.

Элементом средневековой чувствительности была нерасчлененность интеллектуальной и эмоциональной сфер. Под этим понимается такое состояние мыслительной деятельности, когда знание аффективно окрашено. Всепроникающая эмоциональность обволакивала в средневековом сознании самые абстрактные понятия. Отделить объективные признаки чего-то от личного отношения к нему было трудно. Средневековый человек, как его рисуют исторические источники, предстает перед нами чрезвычайно чувствительным. Слезы, рыда-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ния, заламывания рук, обмороки часты как у женщин, так и у мужчин. Средневековый человек любил яркие, контрастирующие цвета, его притягивали драматические, часто кровавые зрелища. «Жестокое возбуждение и грубое участие, вызываемое зрелищем эшафота, были важной составной частью духовной пищи народа» [6, с. 9]. Эту черту можно назвать сверхчувствительностью (гиперсензитивностью).

Еще один факт, на который обратили внимание историки ментальностей, состоит в том, что наиболее аффективные виды восприятия – слух, осязание, обоняние – представлены в познании средневековья шире, чем в современном. Чувственная опора интеллектуальной деятельности наших дней – зрение. В средние же века люди в основном слушают, а не читают. Медики определяют болезнь по звуку и запаху. Музыка оказывает на людей глубочайшее впечатление. Л. Февр назвал указанную особенность строения восприятия визуальной отсталостью.

И. Хейзинга трактует соотношение перцептивных модальностей в средние века так: «Основная особенность культуры позднего средневековья – ее чрезмерно визуальный характер. С этим тесно связано атрофирование мышления. Мыслят исключительно в зрительных представлениях. Все, что хотят выразить, вкладывают в зрительный образ. Полностью лишенные мысли аллегорические театральные сцены, так же как и поэзия, могли казаться терпимыми именно потому, что удовлетворение приносило только то, что было зримо» [6, с. 318].

Прикидка Л. Февра в целом остается верной: средневековье в сравнении с нашим веком – визуально отсталая эпоха. Но речь идет, разумеется, о символических средствах выражения, а не об остроте зрения!

В сфере групповых отношений характерной особенностью средневековой личности был конформизм по отношению к своим и социальная агрессивность по отношению к чужим. Средневековую личность можно назвать корпоративной. Она вращалась в своей среде и принадлежала к своей касте (сословию, фамилии, общине, гильдии, цеху). Поэтому, как считают историки культуры начиная с Я. Буркхардта, «в средние века обе стороны самосознания – по отношению к внешнему миру и своему внутреннему «Я» – как бы дремали под одним общим покрывалом. Последнее было соткано из бессознательных верований, наивных воззрений и предрассудков, весь мир с историей представляется сквозь это покрывало в своеобразной окраске, и человек познавал себя только по кастовым особенностям или по признакам, различающим народ, партию, корпорацию, семью, – другими словами, понятие личности связывалось всегда с какой-нибудь общей формой» [3, с. 157].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Редкий медиевист не отметит, насколько жизнь средневекового человека окрашена страхом. «Чувство неуверенности – вот что влияло на умы и души людей средневековья и определяло их поведение. Неуверенность в материальной обеспеченности и ... неуверенность в будущей (загробной) жизни, блаженство в которой никому не было обещано наверняка и не гарантировалось в полной мере ни добрыми делами, ни благоразумным поведением. Творимые дьяволом опасности погибели казались столь многочисленными, а шансы на спасение столь ничтожными, что страх неизбежно преобладал над надеждой... Итак, ментальность, эмоции, поведение формировались в первую очередь в связи с потребностью в самоуспокоении» [4, с. 302].

Но средневековый страх, как и остальные феномены ментальности тех веков, многосложен. И это потому, что в жизни была не только пугающая изменчивость, но и незыблемый порядок. Вряд ли какая другая эпоха имела столь хорошо разработанную иерархию небесных и земных сил. Над этим трудились отцы церкви и теологи, королевские министры и правоведы. Средневековье известно не только необузданными страстями, но также ученой схоластикой и юридической казуистикой. Человек того времени видел в Боге творца незыблемого порядка, в котором ему, человеку, отводилось незыблемое место.

Страшную зыбкость мира питают скорее миф и магия – такие же столпы средневекового мировосприятия, как и христианская вера. Ведь средние века, по В.С. Соловьеву, – это компромисс между христианством и язычеством. Иначе говоря, компромисс (но и противоборство) между книжно-ученым и народным, серьезным и карнавальным. «Особенно остро ощущал средневековый человек в смехе именно победу над страхом. И ощущалась она не только как победа над мистическим страхом («страхом божиим») и над страхом перед силами природы, – но прежде всего как победа над моральным страхом, сковывающим, угнетающим и замутняющим сознание человека: страхом перед всем освященным и запретным («манна» и «табу»), перед властью божеской и человеческой, перед авторитарными заповедями и запретами, перед смертью и загробными воздаяниями, перед адом, перед всем, что страшнее земли. Побеждая этот страх, смех прояснял сознание человека и раскрывал для него мир по-новому. Это победа, правда, была только эфемерной, праздничной, за нею снова следовали будни страха и угнетения, но из этих праздничных просветов человеческого сознания складывалась другая неофициальная правда о мире и о человеке, которая подготовляла новое ренессансное самосознание» [2, с. 104-105].

Трагическое средневековье – это взгляд на него гуманной личности общества материальных и правовых гарантий, взгляд извне. Ни

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Л. Февр, ни И. Хейзинга этого, кстати, не скрывали: «Можно ли сравнивать психологию пресыщенного населения с психологией людей, постоянно недоедающих?», «Между способами чувствовать, мыслить, говорить людей XVI в. и нашими нет действительно общего измерения» [7, с. 275-322].

Литература по теме:

1. *Арьес, Ф.* Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 528 с.
2. *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
3. *Буркхардт, Я.* Культура Италии в эпоху возрождения / Я. Буркхардт. – СПб., 1904.
4. *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
5. *Соловьев, В.С.* О причинах упадка средневекового мирососерцания // Сочинения: в 2 т. / В.С. Соловьев. – М.: Правда, 1989. – Т. 2. – 509 с.
6. *Хейзинга, Й.* Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах / Й. Хейзинга. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 537 с.
7. *Шкуратов, В.А.* Историческая психология / В.А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.
8. *Cerlichy, D.* Veilleur a Florence au Quattrocento // Annales: E.S.C. / D. Cerlichy. – 1969. – № 6.

Тема 10. Психология Нового времени

В Новое время (XVI – XVII вв. – начало XX в.) капиталистическая экономика из Европы распространилась по всему земному шару, а вместе с ней – буржуазный уклад жизни и рациональное сознание западного человека. Главные события эпохи – политические революции, промышленный переворот, появление гражданского общества, урбанизация жизни – запечатлены для нас в галерее портретов отдельных людей и человеческих групп. Как и любая эпоха, Новое время показывает громадное разнообразие психической жизни. Исторической психологии еще только предстоит освоить это эмпирическое богатство, обобщить и дать описание Homo oeconomicus, либерального, консервативного или революционного сознания, типов буржуа, крестьянина, интеллигента, пролетария, психологически проанализировать важные события периода. Эпоха разобрана науками о

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

современном человеке, что выражается уже в обозначениях периода: капитализм, буржуазное общество, индустриальная эпоха, время буржуазных революций и движений пролетариата. Явления, отмечающие наступление капитализма, проявляются столь единообразно и синхронно в разных областях человеческого бытия, что существует основание искать для них общую основу (по крайней мере тенденцию) в психике, поведении, отношениях человека.

Немецкий ученый **М. Вебер** (1864 – 1920) открыл своего рода исторический парадокс: религиозная мистика и хозяйственная предприимчивость неплохо уживаются рядом. Монастыри всегда были образцовыми экономическими предприятиями. В средние века самые пламенные еретики и сектанты происходили из ремесленников и купцов. Не изменилось положение и в Новое время. Только теперь не купцы бросают свое дело ради уединения или проповеди, а наоборот, сектанты превращаются в предпринимателей. Европейские монархи вынуждены терпеть и даже привлекать в свои владения религиозных диссидентов ради процветания ремесла и торговли. Гонения против них только ударяют по экономике. Так, изгнание протестантов из Франции в конце XVII в. обернулось упадком мануфактур и ремесел. А самые передовые капиталистические страны – протестантские, и наиболее предприимчивый элемент в них – сектанты. «Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни» [1, с. 75].

Передовые страны Запада прошли через горнило этики, которая делала труд религиозной обязанностью, а человека подчиняла букве Писания. Общественная жизнь протестантских общин была демократична по устройству и крайне требовательна по отношению к отдельному человеку. В английских колониях Северной Америки, принимавших самые демократические в мире политические конституции, не было почти ни одного поступка, за который нельзя было бы привлечь к суду. Леность, пьянство, легкомыслие, курение табака, «нескромное поведение», внебрачные связи, непосещение церковной службы карались штрафом или поркой. За более серьезные грехи полагалась смертная казнь. Законы эти принимались свободным голосованием граждан и одобрялись обществом, нравы которого были еще более суровы, чем сами законы. Например, в североамериканской колонии Массачусетс в XVII в. к суду была привлечена супружеская пара. Жена была в браке второй раз, после вдовства, муж – в первый. У соседей возникло подозрение, что до супружества они находились в тайной связи. Супругов едва не приговорили к смерт-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ной казни [3]. В дальнейшем принципы терпимости и свободы были перенесены на частную жизнь. Это случилось, когда человек научился сам следить за собой. Эта превосходящая современное понимание строгость происходила от буквального, неукоснительного приложения Писания к жизни. Протестантство – явление письменной культуры в еще большей степени, чем католицизм. Путь от аскетизма четок к аскетизму счетов проходит через книгу.

С конца Возрождения призывы к исправлению человека раздаются от книжников – гуманистов и реформаторов. Но книжность и сама аскетизируется. Любительская словесность гуманистов преобразуется в каноны руководств и учебников, в правила разумного воспитания, по скрупулезности не уступающие тяжелому учению схоластики. Реформированное христианство, сорвав со стен храмов иконы и украшения, дает каждому Библию и заставляет читать. Этого бы не случилось без помощи печатного станка, впервые в истории христианства сделавшего Библию книгой для чтения. Продукция типографий отличается от изукрашенных рукописных сводов строгим и правильным порядком одинаковых строк. Она дисциплинирует ум.

На рубеже Нового времени книжность впервые оказывается силой массового воспитания в духе подвижничества и дисциплины. Но эта роль остается за ней сравнительно недолго. Во-первых, книга технизируется. Становясь доступной, она теряет ореол исключительности. Хотя библиофилы, гуманитарии и самоучки поддерживают ее культ, она все больше преобразуется из ценности в средство. Во-вторых, у старой книжности появляются соперники и наследники в дисциплинировании ума и души европейского человека. Это наука, а затем техника. Новая европейская рационально-опытная наука не похожа на традиционную ученость. Книжность и наука расходятся. На заре новоевропейской науки революционные умы крайне низко ставят библиотечную премудрость, «бесполезные труды, написанные великими гениями прошлого» (Ф. Бэкон). «Если бы я читал все эти глупые книги, написанные в таком количестве, – саркастически замечает Т. Гоббс, – я бы никогда не написал своих книг». Р. Декарт признается, что от школьного чтения он только отупел, и отводит печатному слову последнее место среди источников познания, причем с оговоркой: сюда относится чтение не всех книг, но преимущественно тех, что могут дать хорошее наставление, это как бы род общения с авторами.

Отдавая часть прерогатив опытной науке, словесность теряет опору и в живом общении. С этим связан закат риторики как соединения книжности с непосредственной коммуникацией. Отныне общение по книгам – начальный этап профессиональной подготовки,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

за которым должны обязательно идти практические занятия. Чистый книжник теперь – это не мудрец, но отстраненный от жизни архаичный чудак. Книжная максима, будь то религиозная заповедь или изречение мудреца, воспринимается не буквально и безусловно, ибо есть уже другие, равные по авторитету руководства для поведения.

Упадок риторики показывает, что распадается норма правильного, этикетного существования образованного европейца по кланам, кастам, сектам, замкнутым кругам личного контакта, на которые была разбита феодальная, сословная Европа. Навыки скрупулезного, тщательного отношения к молитвенным словам и образам переносятся на вещи и деловые обязательства.

Европейская цивилизация обобщает и закрепляет в абстрактной форме все, что в других цивилизациях было суммой разбросанных опытов. Наблюдение за природой, врачевание, правила поведения есть у всех народов, но только в Европе закрепились философия, наука, медицина, юриспруденция. Музыкальный слух многих народов тоньше, чем у европейцев, но только на этом континенте музыкальные интервалы оформили в контрапункт и ввели нотную запись. Чиновничество появилось вместе с государством на Востоке, Запад же поставил всю общественную жизнь в зависимость от расписанных специалистами-учеными и правоведами-законодателями сводов правил. «Вообще «государство» как политический институт с рационально разработанной «конституцией», рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила, на «законы», управлением чиновников-специалистов в данной существенной комбинации решающих признаков известно только Западу, хотя начатки всего этого были и в других культурах» [1, с. 47].

Но, разумеется, наиболее мощно и повсеместно продвигает рационализацию рыночная экономика в индустриальной фазе. Ей европейское общество обязано изгнанием первобытных аффектов из сознания и «расколдовыванием» своего мира, т.е. победой над магией и мифом. Логика для своего распространения пользуется экономикой, как в Древней Греции она пользовалась политикой, но теперь результаты охватывают все общество и всего человека.

В промышленном производстве капитализм создает сгусток рационализующих воздействий. Во-первых, работник отделяется от дома, от быта (а быт всегда насыщен аффектами) и помещается в искусственную среду, где он должен выказывать умственную или механическую сноровку и подавлять эмоции с фантазиями. Во-вторых, в бухгалтерском учете мысль отделяется от образно-смыслового подтекста письменности; в-третьих, в машине полезный эффект незави-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ним от породившей ее технической мысли; в-четвертых, в механизме действие не зависит от живого тела, во всяком случае, сэкономлены и отменены многие телесные движения. Вот как пишет американский историк техники Л. Мэмфорд: «Механизация и систематизация посредством рабочих армий, военных армий и в конце концов посредством производных способов промышленной и бюрократической организации дополнили и в значительной степени заменили собой религиозный ритуал как средство справиться с тревогой и средство поддержания психической стабильности в массовых популяциях» [3, с. 235].

В Новое время перспективы экономического роста и технического прогресса окрыляют и волнуют мыслителей. Техника начинает толковаться расширительно, как двигатель всех изменений в обществе и человеке, как синоним эффективности и организации. Но при этом оказывается, что техника лишь очередной носитель рационального начала в эстафете европейской ментальности.

Со второй половины XVIII в. за несколько десятилетий Западная Европа изменилась едва ли не больше, чем за предыдущие 2 тыс. лет. Города ломают крепостные стены и прощаются со средневековым обликом: узкие, запутанные улочки обрастают регулярными кварталами; в домах вспыхивают газовые, а затем электрические лампы. Плохо проходимые грунтовые пути заменяются шоссе и железными дорогами, в города и селения приходят почта и телеграф. Пейзаж приобретает сомнительные украшения из заводских труб, захолустная деревенская Европа отступает перед городской, индустриальной. Изменяются отношения между людьми. Сословные стеснения и церковный надзор, тайные судилища и средневековые казни уходят, оставив место экономической конкуренции, газетным перспалкам, парламентским и непарламентским схваткам гражданского общества. Поток технических, социальных, бытовых новинок не иссякает: век электричества торопится сменить век пара, самодвижущиеся повозки вытесняют с улиц омнибусы и пролетки, человек поднимается в воздух, распространение дешевых фабричных товаров меняет вкусы и повышает благосостояние. В Новое время личность и психика претерпели громадные изменения. Несомненно, что эти изменения осуществлялись в разных областях, иногда параллельно, иногда нет.

Люди XIX в. связывали ускорившийся темп своей жизни с политической революцией 1789 – 1794 гг. во Франции и промышленной революцией, начавшейся в Англии. Грандиозные и всем видимые последствия этих событий позволили вызреть двум направлениям европейской мысли.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

В Новое время популярна мысль, что тело и дух человека – прообразы всех его изобретений. Глаз похож на камеру-обскуру или объектив фотоаппарата, язык - на смычок, сердце – на помпу, тело – на топящуюся печь. «По образу органов устраиваются орудия» [4, с. 149-150]. Уподобление органов тела орудиям и механизмам было названо в 1877 г. Э. Каппом органопроекцией. Однако одновременно была замечена и другая тенденция. Ее можно назвать технопроекцией. В Новое время технические устройства впервые в истории перестали быть придатками для усиления тела. Механизмы приобретают сложную конструкцию и начинают заменять или подчинять себе человека. Писатели-романтики, впервые изобразившие механического истукана, поднявшего руку на своего творца, предвосхитили тему восстания роботов. Философы и ученые сформулировали мысль о том, что техника утрачивает человеческую меру и уподобление ей людей грозит им потерей человеческих качеств.

Феодализм не оставил Новому времени упорядоченного, рационального индивида, способного вписаться в социально-политические отношения и технологические процессы индустриальной эпохи. Формы государственно-идеологического воздействия и контроля адекватны складу личности с большой долей «нерационального» поведения: религиозные процедуры исповеди и покаяния, жестокий ритуализированный суд, хаотичная и неэффективная администрация – все рассчитано на удержание стихийной массы в определенных рамках, а не на систематическое, рациональное использование духовных и физиологических потенций человека. В противовес этому общественно-производственная машина капитализма строится на принципах эффективности, дешевизны, универсальности. Ей нужен расторопный, вымуштрованный, дисциплинированный человеческий элемент. Антропологическая задача Нового времени заключается в том, чтобы учесть, разложить на элементы, определить во времени и пространстве социально-производственного интерьера, состыковать, иерархизировать в функциональных объединениях психомоторику и чувственность стихийного человека доиндустриальной эпохи.

Экономика и государство требовали приемов ранжирования, классификации, количественных норм человеческого поведения, которые составили рациональную, научную основу разветвленной управленческой практики. Наблюдается определенный параллелизм в науке, производстве, образовании, административном управлении, быту, но при этом выделяются лидеры в соответствии с характером и размахом антропологической задачи.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Первоначально самые большие усилия направлены на дисциплинирование тела. Ученые трактуют человека как машину, состоящую из трубочек, рычагов, приводных ремней, насосов (затем – как электрическую батарею, телефонную станцию, вычислительное устройство); на фабрике учат приспосабливаться к работе станка, в армии – механически шагать, отвечать, повиноваться, в школе – решать стандартные задачи и сидеть в стандартных классах, в больницах – лежать на стандартных кроватях в стандартных палатах, в тюрьме вообще все надо делать строго по правилу и по команде – спать, есть, передвигаться, отправлять естественные потребности. Поскольку деревенский человек не привык к порядку и организации, то дисциплина XVII – XIX вв. груба и напоминает дрессировку. За незначительные отклонения от регламента штрафуют, подвергают физическим наказаниям, сажают в карцер. Тело рассматривается по деталям, как в механике: движения, жесты, позы; действия человека контролируются, в них упражняются. Дисциплина Нового времени отличается от рабской, где человек низводится до животного, или от феодальной с ее упором на преданность и символически-патриархальные узы. Индустриальное общество поглощено идеей эффективной, аналитически расчлененной и отлаженной системы, которая включает и человека.

Мануфактурная эпоха пестрит жалобами на своеволие рабочих и дисциплинарными строгостями. В конце концов вместо попыток уподобить людей единой живой машине изобретают настоящую, механическую машину, где несколько инструментов соединены и подключены к двигателю. Машину не надо приноравливать к человеческим способностям, она соответствует механической, физической или химической последовательности обработки материала. Машина уподоблена природному процессу, а человек – машине, и сопротивляться этому он не может. Поэтому и требования к вымуштрованному телу понижаются. В некоторых ведущих областях промышленности (например, текстильной) машины обслуживаются женщинами и детьми. Человек к этому времени прошел предындустриальную дрессуру и дисциплинирован не только на производстве. Без крайне мучительной ломки стихийной крестьянской ментальности он не смог бы воспользоваться возможностями, которые предоставляет более свободное и зажиточное общество, возможностями включиться в связи более опосредованного и тонкого регулирования.

Контролирующий сам себя индивид формируется и в быту. В Новое время европейское человечество повсеместно переходит от биологического «старого порядка» к индивидуализированному, гигиеническому образу жизни. И здесь органопроекция сменяется технизацией.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Например, вплоть до Возрождения этикет даже для высшей знати сводился к правилам телесного контакта. За столом кушанья брали руками. Использовали блюдо, стакан и нож. Хотя в посуде и столовых приборах в богатых домах не было недостатка, люди не испытывали в них потребности. С вилкой западные европейцы познакомились в XI в., но ее использование порицалось моралью до XVI в. Кубок передавали из рук в руки, суп тоже пили по очереди из общего сосуда или наливали в стакан. Брезгливость выглядела странной во времена, когда спали в общей постели, обходились без нижнего белья и искали друг у друга насекомых в знак уважения и симпатии. Этикет учил правилам физического контакта, люди часто касались друг друга, религиозная символика переполнена образами тела.

Эпохи Возрождения и Просвещения – переходные: заканчивается «биологический старый порядок», в XVI – XVIII вв. промискуитетное общежитие средневековья преобразуется в новоевропейский гигиенизированный и частный быт. На столе появляются ложка, вилка, тарелка, салфетка для каждого, в гардеробе (сначала у привилегированных сословий) – носовой платок и нижнее белье; скученность и соприкосновение человеческих тел перестают казаться естественными. Вплоть до XVIII в. даже высшее общество весьма терпимо к запахам экскрементов и телесных выделений; в парфюмерии царят резкие ароматы мускуса, амбры, лука.

Человеческая психика обзаводится качествами и синдромами, неизвестными до сих пор. Среди новинок – не только массовое распространение саморегуляции и возрастание формально-логического и технического интеллектов. Регистр психических состояний сдвигается к полюсу уподобления человека нечеловеческому устройству. Распространяются компульсивно-навязчивые, сверхпедантичные характеры, шизофрения – патологические последствия сверхрационального и машиноподобного существования.

Рациональность в контексте общей картины мира является разновидностью ньютоновской причинности, т.е. объяснением, не проникающим за грань макротел, а применительно к человеку – в область его глубокой мотивации. Поэтому в конце концов рациональность оказывается не самоцельной, а технической в том смысле, что она только доставляет человеку навыки адаптации к жизни в сложно устроенной предметной среде. Духовных ценностей она не затрагивает, а если затрагивает, то это воспринимается как патологическое навязывание человеку машинообразного способа жизни. Крайнему рационализму в Новое время противодействуют патриархально-традиционалистские, художественные и либеральные взгляды на мир [5, с. 294-32].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Литература по теме:

1. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 764 с.
2. *Мэмфорд, Л.* Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе / М. Мэмфорд. – М.: Прогресс, 1986. – С. 225-240.
3. *Токвиль, А. де.* Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
4. *Флоренский, П.А.* Органопроекция // Русский космизм / П.А. Флоренский. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 149-162.
5. *Шкуратов, В.А.* Историческая психология / В.А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.

Тема 11. Психология современности и постсовременности

XX в. закончился под знаком «после»: после империи, после коммунизма, после холодной войны. То, что совсем недавно казалось современным, больше таковым не является. Теоретическая мысль уже отделила современность от еще неизвестной эпохи буфером под названием «постсовременность». Прошлое (т.е. «современность») имеет некоторые приметы индустриальной цивилизации: ментальность Нового времени отнюдь не исчезла, ее присутствия не надо долго искать – рыночная экономика, трудовая мораль, социально-политические институты европейских народов XX в. принципиально не изменились. Уклад жизни, который раньше назывался буржуазным, распространился среди большей части населения развитых стран, либерально-рыночное направление развития в конце века опять возобладало на громадной территории бывшего СССР и его союзников. Существенные различия старых и новых демократий в том, что в первых либеральные и рационалистические навыки давно закрепились и теперь служат опорой для новых форм поведения; во вторых новое возникает одновременно с восполнением того, что было пропущено, и разрушением того, что окаменело.

Абсолютная власть групп людей, партий, отдельных политических институтов в индустриальных обществах XX в. получила название тоталитаризма. У всех тоталитарных режимов есть общие черты: а) культ народных вождей; б) разрастание аппарата репрессий; в) централизованное стягивание ресурсов нации для державных задач и планов; г) контроль над частной жизнью человека, замена последней общественно-политическими целями режима. В некоторых формах и фазах тоталитаризм полнос-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тью деструктивен. Он организует большую индустрию смерти: армию и военную промышленность, концлагеря, фабрики уничтожения людей. Над реальными экономическими преобразованиями нависает избыточность утопии, проект тотального переустройства человечества. Тоталитарная рациональность оказывается здесь совершенно иррациональной. Если в ранней стадии индустриализации человека муштруют ради полезного использования его телесной и умственной потенции, прибытка материальных благ, то здесь отсасывают избыточные силы, мысли, эмоции людей, обескровливают и стерилизуют человеческую самодеятельность, даже уничтожают людей. Реальным историческим делом коммунистических режимов СССР, Центральной Европы и Азии стала ускоренная индустриализация, проведенная с громадной расточительной тратой человеческих и природных ресурсов. Тоталитарное государство не может распорядиться энергией человека и боится дать ему «идти своим ходом». Тоталитаризм строит личность по рецептам утопии. Утопическая личность есть социальный прототип процесса индивидуализации как целого.

Новоевропейский рассудок, возникнув, разделился надвое: на практический интеллект и рассуждающую фантазию. Воспитательная доктрина классической утопии вполне рационалистична: устранение чрезмерных страстей, дисциплинированность, трудолюбие и другие гражданские добродетели. Изюминка утопии в сравнении с религиозным или экономическим рационализмом состоит в том, что человеческие качества планируются для эпох и народов. Большая часть человеческой натуры отбрасывается как ненужная для общественного блага.

Историческая загадка XX в. состоит в том, как мог появиться мрачный государственный утопизм, принимающий грезы за государственные планы. В официальной коммунистической доктрине сплавились элементы рационализма, революционного авангардизма и национальной традиции. Не следует забывать, что в классической стране государственной утопии – СССР – плановая индустриализация соединялась со столь же плановым преобразованием письменного сознания. Для того, чтобы утопические рецепты были приняты, нужно особое состояние общественной психологии. Столкновение дописьменной крестьянской цивилизации и письменной городской было главнейшим конфликтом позднего средневековья и начала Нового времени. В Западной Европе грамотность распространялась эволюционно, на протяжении веков, в Российской империи – скачкообразно, от почти полной неграмотности в начале XIX в. до практически полной грамотности в СССР перед второй мировой войной. Очевидно, что при скачкообразном распространении навыков письменной культуры

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

отношение большей части населения к печатному слову остается дописьменным, архаическим. Это затрудняет профессиональное использование письменности, характерное для умственного труда, способствует ее бюрократическому и сакрально-идеологическому употреблению. СССР предстает как тупиковый вариант письменной цивилизации. Пустая оболочка официальных слов действует отдельно от жизни и реальной политики. Но она покрывает сферу теоретического объяснения. Частные интересы людей развиваются сами по себе, экономика отчасти подвержена требованиям технического развития. В коммунистических устройствах преобладают задачи форсированной индустриализации, а в марксизме можно видеть одну из идеологий ранней фазы промышленного развития. Однако гипертрофированный индустриализм сочетается здесь с идеократией, и поэтому коммунистическая государственность приобретает налет индустриальной деспотии XX в.

Перспективу для человечества научно-футурологическая мысль видит в неизбежном конце сверхиндустриализации и переходе цивилизации в постиндустриальную эру. Человеку предстоит симбиоз с новым классом искусственных изделий – с электронными устройствами. Общением с ними преимущественно охвачены процессы психики, до сих пор слабо «технизированные», – интеллект в фазе решения и воображение. В контуре постиндустриальной цивилизации вырисовываются два ядра: интеллектуальные центры решений и электронная индустрия досуга. В этом обществе теоретическое знание получает превосходство над прикладным, университет и научно-исследовательский институт – над предприятием, труд коллективов ученых – над счастливыми находками «жестяночников» (изобретателей-самоучек прошлого века, которые изобрели телефон, электрическую лампочку, граммофон, кино почти в полном неведении научной литературы). Капиталисты заменяются правящей высокообразованной элитой, классовые разделения – профессиональными. Строго говоря, общественно-полезный труд здесь не обязателен, оформляются группы полной, частичной занятости и незанятости. Полностью посвящают себя науке и управлению интеллектуалы, составляющие правящий слой. Другие могут работать время от времени, чтобы повысить свой жизненный уровень. Третьи - жить на пособие, которого хватает для скромного существования. Идеологам постиндустриального общества приходится отбиваться от обвинений в том, что они создают технократические утопии с весьма прозрачным разделением людей на касты, но их обобщения имеют основания в изменениях человека и его психики под влиянием информационных устройств, в зарождении своего рода информационной ментальности.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Исторически новым явлением в XX в. стало распространение так называемой массовой культуры. Она также связана с появлением и усовершенствованием технических средств передачи информации, с массовой коммуникацией. Новейшая техника распространяет принципы организации на те стороны быта и психики, которые считались иррациональными. С помощью прессы, кино, радио, телевидения удается воспроизводить, тиражировать образы фантазии, эмоции, неосознанные потребности, которые раньше ускользали от массового производства. Но воздействие техники на эту сферу психики двойственно: «индустриализация» бессознательного позволяет манипулировать последним, в то же время аффекты распространяются с размахом, позволяющим говорить о реакции чувственности на сверхрационализацию жизни. XX век знает использование массовой коммуникации в двух социально-политических режимах: коммерческую массовую культуру и тоталитарную массовую культуру.

Начало массовой коммуникации положило книгопечатание. Возник обширный рынок так называемой народной литературы – лубочных книжек с картинками. Но до XX в. даже в индустриальных обществах Запада существовало четкое деление: книжная культура образованных слоев и народно-фольклорная культура полуграмотных и неграмотных низов города и деревни. Между этими полюсами была промежуточная зона полуобразованности. Здесь и возникли первые образцы массовой культуры: бульварный роман, театр-гиньоль, балаганное зрелище. С начала XX в. возможности массовой коммуникации резко расширяются: появляется кино, затем радио и телевидение. Население все более урбанизируется, становится грамотным, исчезает замкнутое патриархальное крестьянство. Коммерческое искусство проникает в сферы, ранее для него малодоступные и запретные.

Мода – самый наглядный социально-психологический эквивалент рыночной конъюнктуры. Она очень сильно выражена в рыночной экономике (массовой культуре) и очень слабо – в традиционных обществах, где вызывает моральное осуждение. С появлением массовой культуры особое коммерческое оценивание человека становится фактом. **Э. Фромм** описал так называемую рыночную личность, которая ведет себя подобно товару. Человек-товар предлагает свои достоинства (красоту, молодость, ум, обаяние) в обмен на социальные и психологические блага (общественное положение, престиж, дружбу, любовь). Всякий спрос подвержен конъюнктурным колебаниям, что проявляется в моде на определенный тип внешности или характера. Поэтому рыночная личность способна перестраиваться и приспосабливаться. Но наряду с гибкостью, адаптивностью, общительностью в ней живут постоянная неуверенность в себе и понимание того, что все

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

проходит. Подобная добавка к функционально полезным, рыночным чертам характера, составляющая глубинное ядро мотивации, обусловлена садистски-мазохистскими отношениями в семье. Чередование родительской ласки, агрессии и безразличия психологически готовит ребенка к волнам рыночной стихии. Качества рыночной личности распадаются на положительные и отрицательные [1, с. 114]. И хотя рыночная личность – это не живой человек, а социально типизированная модель поведения, наличие последней говорит, что всеобщая шкала оценивания сформировалась. В массовой культуре нет сакральных островков, исключенных из престижного оборота; президенты набирают баллы популярности как эстрадные певцы, кинозвезды, спортсмены или королевы красоты. Перед конъюнктурой коммерческой популярности все равны, и все заняты созданием имиджа.

Наука активно участвует в формировании культурной конъюнктуры. Тестирование, рейтинг, экспертные оценки, опросы, ранжирование популярностей и прочие измерительные процедуры внедряются в управление, просвещение, быт, политику. Психология позволяет оценивать все: восприятие, интеллект, волю, общительность, самосознание; она представляет конъюнктуры человеческих качеств, профессий, политических деятелей наподобие курса валют; она, наконец, учит оценивать самого себя и пускать свою личность в оборот вроде товара. Массовая культура проникает в самый подвижный, конъюнктурный слой социальной мобильности. Она вводит расчет в игровое и сиюминутное. Личность массовой культуры находится между игрой и рынком. Она одержима двумя стремлениями: учитывать, обменивать, получать, т.е. извлекать пользу из имеющихся в ее распоряжении природных и социальных даров (рыночный, рациональный полюс) и представляться, получать удовольствие и одобрение от представления (гедонистически-игровой полюс). Но полюса смыкаются: что такое театр, как не обмен сплетнями, злобой дня, парад популярностей, курс престижей? И что такое рынок, как не игра цен, взлет и падение лидеров, борьба за престиж и популярность, спектакль, даваемый с помощью предметов? [2, с. 322-336].

Литература по теме:

1. *Фромм, Э.* Человек для себя. Исследование психологических проблем этики / Э. Фромм. – Мн.: Коллегиум, 1992. – 253 с.
2. *Шкуратов, В.А.* Историческая психология / В.А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ПЕРСОНАЛИИ

Ананьев Борис Герасимович (1907 – 1972) – советский психолог, доктор педагогических наук, профессор (1940), действительный член АПН СССР (1968). Окончил Горский педагогический институт во Владикавказе (1928). С 1928 работал в Институте мозга им. В.М. Бехтерева (Ленинград). С 1944 г. – профессор ЛГУ, с 1967 г. – декан факультета психологии. В 1946 – 1951 г.г. заведовал сектором психологии Ленинградского НИИ педагогики. Последователь В.М. Бехтерева; выдвинул идею создания единой концепции человекознания, соединяющей достижения различных наук о человеке. Развиваемое Ананьевым Б.Г. научное направление – «онтопсихология» – синтетическая дисциплина, объединяющая возрастную и дифференциальную психологию и направленная на изучение целостного жизненного пути человека. Индивидуальное развитие рассматривал как процесс, детерминированный историческими условиями общества, жизни и проявляющийся в единстве развития человека как индивида (организма), личности и субъекта деятельности.

Асмолов Александр Григорьевич (р. 1949) – российский психолог. Профессор, заведующий кафедрой психологии личности Московского государственного университета. Область научных интересов: общая психология, психология личности, историческая психология и этнопсихология. Автор многочисленных статей и книг, важнейшие из которых «Психология личности» и «Культурно-историческая психология и конструирование миров». Докторская диссертация выполнена на тему «Историко-эволюционный подход в психологии личности». В работах А.Г. Асмолова реализован комплексный междисциплинарный подход к психологии личности, соединяющий биогенетическую, социогенетическую и персогенетическую ориентацию на базе межкультурного взаимодействия. Им сформулирована оригинальная концепция личности, реализующая общесистемные принципы анализа человека, подчеркивающая роль культуры, историко-эволюционный смысл деятельности личности, ее предадаптивной, неадаптивной и адаптивной активности. На факультете психологии МГУ А.Г. Асмолов ведет раздел фундаментального курса общей психологии «Психология личности и индивидуальности», а также спецкурс «Историческая психология личности».

Бехтерев Владимир Михайлович (1857 – 1927) – выдающийся русский физиолог, невропатолог, суггестор, психиатр, психолог. Окончил Медико-хирургическую академию (1878). Заведовал кафедрой психиат-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

рии Казанского университета. В 1885 г. создал первую в России лабораторию экспериментальной психологии при клинике. С 1893 г. – профессор Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, заведующий кафедрой нервных и душевных болезней. В 1908 г. основал в Петербурге Психоневрологический институт. С 1918 г. – директор Института по изучению мозга в Петрограде. Начиная с 1910-х гг. приступил к построению собственной общепсихологической теории, названной им рефлексологией. Открыл ядра и проводящие пути в мозге, описал ряд физиологических и патологических рефлексов, симптомов и синдромов. Скончался 24 декабря 1927 г. в Москве. В некоторых публикациях высказывается предположение, что учёного отравили. Тело В.М. Бехтерева кремировали. Первоначально прах был погребен в здании Психоневрологического института в Ленинграде, но позднее его перенесли на Литераторские мостки Волковского кладбища.

Вебер Макс (1864 – 1920) – немецкий историк, социолог и экономист. Профессор политической экономии Фрейбургского, Гейдельбергского и Мюнхенского университетов. Ранняя научная работа М. Вебера «Социальные причины падения античной культуры» содержит анализ хозяйственной жизни античных и средневековых обществ. Основные труды М. Вебера посвящены взаимосвязи политики и экономики с культурой, религией и нравами различных народов. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер сформулировал теорию модификации личности под влиянием протестантизма. Согласно этой теории, развитие капитализма в Европе в XVI – XVII вв. обусловлено появлением протестантизма. Рационализм, лежащий в его основе, привел к формированию соответствующей культуры, определившей развитие социальных отношений. В работе «Социология религии» на основании разработанного им понятия «идеальный тип» М. Вебер предложил классификацию религий. Он показал, что степень рационализации экономической деятельности общества обратно пропорциональна силе влияния магического элемента господствующей в нем религии. В своих работах М. Вебер выделил три основания законности власти: рациональное, традиционное и харизматическое. М. Вебер является основателем Немецкого социологического общества и журнала «Архив социальных наук и социальной политики».

Вернан Жан-Пьер (р. 1914) – французский историк и психолог. Профессор Коллеж де Франс. Специалист в области изучения древних религий. Большинство научных трудов Ж.-П. Вернана посвящены историческому периоду начала второго тысячелетия в Средиземноморье. В научной работе «Происхождение древнегреческой мысли» Ж.-П. Вернан рассматривает круг проблем, связанных с генезисом теоретической мысли у греков и формулирует концепцию возникновения полиса и

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

«полисного» мышления. Развитие общественной, политической и культурной жизни греческих городов-государств, по мнению Ж.-П. Вернана, привело к высокому развитию диалектики и искусства спора, а рациональное объяснение явлений природы способствовало развитию математических наук. В книге «Вселенная, боги, люди» Ж.-П. Вернан провел анализ легенд и мифов Древней Греции: их истории, вариантов и трактовок основных сюжетов. Он выдвинул идею о том, что миф имеет небинарное логическое построение, которое он назвал «логикой двусмысленности». Посредством этого механизма образ в кажущейся, «ложно-похожей» форме воспроизводит внешний облик реальных объектов. Ж.-П. Вернан показал ритмическую, звуковую и семантическую организацию греческой поэзии, направленную на усиление ее воздействия.

Вундт Вильгельм Макс (1832 – 1920) – немецкий психолог, физиолог и философ. Основатель первой в мире лаборатории, которая стала международным центром экспериментальной психологии. В ней изучались ощущения, время реакции на различные раздражители, ассоциации, внимание, простейшие чувства человека. Высшие психические процессы, к которым относятся речь, мышление и воля, с точки зрения В. Вундта, недоступны эксперименту, и потому они должны изучаться культурно-историческим методом при помощи анализа мифов, обрядов, религиозных представлений, языка. В. Вундт предложил шесть исторических законов: три закона психических отношений («закон равнодействующих», «закон взаимоотношений», «закон контрастов») и три закона развития («закон духовного роста», «закон гетерогенности» и «закон развития одной противоположности в другую»). В основе этики у В. Вундта лежит психология народов, определяющая возникновение этических принципов из исторических и социальных связей. Он считал, что индивидуальное сознание при посредстве языка, религии, жизненных привычек и обычаев связано с жизнью народа в целом. Таким образом, индивидуальная воля находит себя в качестве элемента общей воли, и последняя определяет мотивы и цели первой. Результаты исследований В. Вундта опубликованы в 10-томном труде «Психология народов».

Выготский Лев Семенович (1896 – 1934) – российский психолог. Создатель культурно-исторической концепции развития высших психических функций. Согласно этой концепции, формирование последних происходит в процессе опосредованного общением освоения индивидом ценностей культуры. Л.С. Выготский выделил в эмоциональной сфере воспринимающего то или иное произведение искусства два разнонаправленных аффекта, противоположность которых снимается в катарсисе, являющимся основой эстетических реакций. Он показал, что культурные знания, прежде всего знаки языка, служат орудиями, оперируя которыми субъект воздействует на другого и формирует собственный

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

внутренний мир. В развитии психики выделил два пласта – натуральный (результат биологической эволюции животного мира) и культурный (результат исторического развития общества). Л.С. Выготский сформулировал теорию развития аномального ребенка, ввел понятие «зона ближайшего развития». Он сформулировал понятие «психологические системы», под которыми понимал целостные образования в виде различных форм межфункциональных связей. Л.С. Выготский предложил гипотезу о локализации психических функций как структурных единиц деятельности головного мозга. Он показал, что структура сознания – это динамическая смысловая система находящихся в единстве аффективных, волевых и интеллектуальных процессов. В последний этап своего творчества Л.С. Выготский исследовал соотношение мышления и речи, их развитие в онтогенезе.

Демоз Ллойд (р. 1931) – американский психолог. Директор института психоистории. В книге «Психоистория» он изложил концепцию своего учения, согласно которому психоистория является наукой об исторической мотивации, ставящей целью объяснение действий индивидов в исторических группах. Методологической основой психоистории Л. Демоз определяет психоанализ. Психоисторическое исследование должно быть сравнительным, проводиться с учетом современных парадигм и использовать самонаблюдение исследователя. Исторические события Л. Демоз анализирует с позиции социально-психологических ритмов. В книге «Эволюция детства» он рассматривает природу детства в социокультурном контексте. Причину исторических изменений Л. Демоз видит в психогенезе – закономерной смене стилей воспитания детей под давлением поколений. Он подразделяет историю на шесть периодов, каждому из которых соответствует определенный стиль отношения взрослого к ребенку: детоубийство (до IV в. н.э.), оставляющий (IV – XIII вв.), амбивалентный (XIV – XVII вв.), навязчивый (XVIII в.), социализирующий (XIX в. – середина XX в.), помогающий (с середины XX в.). В книге «Психоистория и психотерапия» Л. Демоз прослеживает взаимосвязь истории, психиатрии, психоанализа и психологии. Он является основателем Международной психоисторической ассоциации и «Журнала психо-истории».

Дюркгейм Эмиль (1858 – 1917) – французский социолог. Создатель науки социологии. Профессор социологии и педагогики Бордоского и Сорбонского университетов. Социология, по мнению Э. Дюркгейма, должна изучать социальные факты, обладающие объективностью и принудительностью по отношению к индивидам. Общество он считал реальностью особого рода, не сводимой к совокупности индивидов. Э. Дюркгейм впервые применил в науке об обществе объективные методы и структурно-функциональный анализ. В работе «Правила социоло-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

гического метода» он описал коллективные представления – факторы социальной жизни, определяющие видение мира конкретным человеком. В научных публикациях он показал, что на ранних стадиях исторического развития индивидуальное сознание поглощается коллективным. В труде «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм выделил механический и органический типы социальной солидарности. В работе «Самоубийство» он доказал зависимость числа самоубийств от характера и интенсивности социальных связей, связал данный феномен с крушением социальных норм, от которых зависит человек. Самоубийства, связанные с социальной дезорганизацией, Э. Дюркгейм назвал аномическими. В последней работе «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии» он сформулировал социологическую теорию религии, показав ее социальную обусловленность. Э. Дюркгейм является основателем журнала «Социологический ежегодник».

Жане Пьер (1859 – 1947) – французский психолог и психиатр. Основой неврозов считал нарушение равновесия между высшей и низшей психическими функциями. Рассматривал психологию как науку о поведении, разработал сложную иерархическую систему поведения от рефлекторных актов до высших интеллектуальных действий.

Кандинский Виктор Хрисанфович (1849 – 1889) – российский психиатр. В работе «О псевдогаллюцинациях» он описал обманы восприятия, характеризующиеся проекцией патологических образов внутрь тела, отсутствием чувственной яркости, ощущением «сделанности» и влияния извне, способностью больного различать реальные и галлюцинаторные объекты. Работа В.Х. Кандинского «К вопросу о невменяемости» посвящена проблемам вменяемости и ответственности лиц, совершивших противоправные действия, она содержит психологический критерий определения вменяемости. В книге «Нервно-психический контагий и душевные эпидемии» В.Х. Кандинский рассматривает вопросы социальной психологии и социальной психопатологии, описывает «эпидемические душевные расстройства» (эпидемии самобичевания, хореоманий, тарентизма, дельноманий, вампиризма, зооантропии и др.). Монография «Общепонятные психологические этюды» посвящена историческому развитию психологических воззрений и их месту в различных религиях и идеологиях. В своих работах В.Х. Кандинский анализирует социальные группы, отношения коллектива и руководителя, массовидные явления психики. Особое внимание он уделяет явлениям конформизма и психического индуцирования, экстатическим состояниям. В.Х. Кандинский ввел в психиатрию понятие «психопатия» и дал характеристику различных видов психопатий.

Лацарус Морис (1824 – 1903) – немецкий ученый, один из основателей «психологии народов». «Народный дух» (термин ученого) произ-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

веден от психологии индивида. Вместе с языковедом Штейнталем опубликовали программную статью «Вводные рассуждения о психологии народов», которая была опубликована в журнале «Психология народов и языкознание» (1959). В этой статье была сформулирована мысль о том, что главная сила истории - народ, или дух целого, который выражает себя в искусстве, религии, языке, мифах, обычаях и т.д. Индивидуальное же сознание есть лишь его продукт, звено некоторой психической связи. По их мнению, задача психологии – познать психологически сущность духа народа, открыть законы, по которым протекает деятельность народа.

Лебон Густав (1841 – 1931) – французский социальный психолог, врач и антрополог. Основатель социальной психологии. В книге «Психология народов и масс» он связал общий упадок культуры с наступлением «эры масс». Представленный Г. Лебоном «закон духовного единства толпы» описывает тенденцию возрастания иррациональности поведения индивида в массе людей. Толпа, по его мнению, управляется бессознательными инстинктами за счет обезличенности, резкого преобладания чувств, снижения ответственности каждого человека. Он описал заразительность коллективных форм поведения и внушаемость масс, которые приводят к ориентированию чувств и мыслей собрания в одном направлении. Г. Лебон предложил разделять толпу на разнородную (уличные сборища) и однородную (секты, классы). Иррациональность массовых движений он обосновал динамичностью их поведения, вызванной ослаблением прежних верований, возрастанием могущества толпы и противоречивостью внешней информации. Г. Лебон охарактеризовал методы воздействия на толпу, считая их мощным оружием в руках политических деятелей. В книге «Эволюция цивилизации» он показал, что физиологические, анатомические и психологические различия между народами ведут к конфликтам между ними. Ряд работ ученого посвящен роли великих людей в развитии истории и влиянию религиозного идеала на характер народа.

Леви-Брюль Люсьен (1857 – 1939) – французский философ, психолог и этнолог. Представитель французской социологической школы. Профессор Сорбонского университета. Изучая проблему первобытного мышления, Л. Леви-Брюль проводил исследования жизни племен Австралии, Океании и Африки и пришел к заключению о том, что в «низших обществах» преобладают «коллективные представления», отличные от «индивидуальных представлений». Он считал, что в ряде сфер первобытное мышление, в отличие от современного, характеризуется пралогичностью, то есть нечувствительностью к противоречиям, непроницаемостью для опыта, подчиненностью закону партиципации. Согласно этому закону, предметы и явления наделены свойством «единосущности» и

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

объединяются не по существенным свойствам, а по приписываемым им мистическим качествам. В практических действиях мышление первобытного человека является столь же логичным, как и мышление современного человека. Черты пралогичности также характерны для моральных и религиозных представлений современного человека. На основании своих исследований, Л. Леви-Брюль сформулировал тезис об одновременном существовании двух типов мышления в первобытном и современном обществах.

Лурия Александр Романович (1902 – 1977) – российский психолог. Основатель отечественной школы нейропсихологии. Исследуя аффективные состояния человека, он разработал сопряженную моторную методику, выявляющую скрытые аффективные комплексы. А.Р. Лурия сформировал концептуальный аппарат и феноменологическую базу нейропсихологии, разработал теорию системной динамической локализации высших психических функций. А.Р. Лурия является автором многочисленных исследований по нейропсихологии речи, восприятия, внимания, памяти, мышления, произвольных движений и действий. С помощью близнецового метода он показал роль генетических и социальных факторов в развитии психических процессов. Результаты этого исследования опубликованы в книге «Речь и интеллект в развитии ребенка». А.Р. Лурия разработал методы нейропсихологической диагностики локальных поражений головного мозга и основные принципы восстановления нарушенных психических процессов, изложенные в книге «Травматическая афазия». Он показал роль лобных долей мозга в регуляции психических процессов. Изучение народов Средней Азии позволило выявить межкультурные различия в психике человека, которые легли в основу культурно-исторической концепции развития высших психических функций, изложенную в книге «Этюды по истории поведения». В своей работе «Об историческом развитии познавательных процессов» А.Р. Лурия доказал социальную обусловленность мышления. В последние годы жизни он активно разрабатывал проблемы нейропсихологии памяти и нейролингвистики. А.Р. Лурия является автором более 500 научных работ, многие из которых переведены на различные языки.

Мейерсон Иньяс (1888 – 1983) – французский психолог. В первый период научной деятельности занимался проблемами зоопсихологии и патопсихологии, дальнейшие исследования посвящены исторической психологии. В работе «Психологические функции и произведения» И. Мейерсон развил принцип историзма применительно к генезису и развитию личности, проявлениям психических функций и их объективизации в продуктах культуры (нравственности, праве, религии, научном и мифологическом мышлении, философии, технике и т.д.). Продукты культуры, по мнению И. Мейерсона, являются результатом материа-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

лизации и кристализации различных аспектов исторически развивающейся человеческой психики. он считал, что труд, будучи психологической функцией, является основой всех человеческих творений. И. Мейерсон создал научную школу, носящую его имя («Сравнительно-историческая психология» И. Мейерсона).

Поршнев Борис Федорович (1905 – 1972) – российский психолог и социолог. Участвовал в многочисленных археологических экспедициях: по верхнему палеолиту – на Дону, по среднему – на Волге, по нижнему – на юге Осетии. Проводил экспериментальные и теоретические исследования по физиологии высшей нервной деятельности животных. Опубликовал многочисленные труды по истории Франции в XVII в. Б.Ф. Поршнев разработал оригинальную концепцию возникновения человека и начала человеческой истории, которая опубликована в работах «О древнейшем способе получения огня» и «О начале человеческой истории». Он ввел термин «палеопсихология». Преобразование предчеловеческих уровней жизнедеятельности в человеческие Б.Ф. Поршнев связывал с возникновением речи. В своих исследованиях он дал оценку роли «речи-сознания» и второй сигнальной системы в процессе происхождения человека, их значение в возникновении и развитии общества. Он показал значение филогенетического развития нервной системы для возникновения нейрофизиологического механизма второй сигнальной системы, раскрыл процесс генезиса второсигнальных связей между индивидами. По мнению Б.Ф. Поршнева, этапы развития физического образа троглодитида определялись приспособлением к процессу труда. В связи с этим он считает труд мощным фактором эволюции. Б.Ф. Поршнев является автором более 200 научных работ по антропологии, истории, этнографии, социальной психологии.

Фрейд Зигмунд (Фрейд Сигизмунд Шломо) (1856 – 1939) – австрийский психолог, психиатр и невролог. Создатель психоанализа. Решающую роль в организации поведения он придавал бессознательному ядру психической жизни, образуемому мощными влечениями, прежде всего – сексуальным (эрос) и деструктивным (танатос). Применяя гипноз, используя методику расшифровки свободных ассоциаций, сновидений и трансфера, он пришел к выводу, что избавление от некогда пережитых в детстве травм путем их осознания дает положительный врачебный эффект. В психической жизни З. Фрейд выделил три уровня: бессознательный, предсознательный и сознательный. Первоначально эта схема применялась для объяснения клинических фактов, затем она была перенесена на некоторые обычные проявления психической жизни – обмолвки, шутки, описки, «провалы памяти» и другое («Психопатология обыденной жизни»). В работах «Тотем и табу» и «Психология масс и анализ человеческого «Я» З. Фрейд обратился от исследования индивиду-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ального поведения к истории человеческой культуры, полагая, что и в ней, а точнее, в мифах, памятниках литературы и искусства воплощены сексуальные комплексы. В своих трудах «Леонардо да Винчи» и «Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США: Психологическое исследование» он провел психоаналитический анализ биографий исторических личностей. В поздний период творчества в работах «Будущее одной иллюзии», «Цивилизация и недовольные ею» и «Моисей и монотеизм» З. Фрейд сосредоточился на анализе социально-культурных проблем.

Хейзинга Йохан (1872 – 1945) – нидерландский историк, теоретик культуры. Профессор всеобщей истории Гронингенского и Лейденского университетов. Й. Хейзинга является разработчиком историографии и концепции развития мировой культуры, автором многочисленных исследований роли мифа и фантазии в мировой цивилизации. В своих произведениях ученый анализирует формы мышления и уклад жизни, описывает произведения искусства, костюмы, этикет, идеалы и ценности. Предложенный им подход позволяет выделить наиболее выразительные черты эпохи, воспроизвести жизнь общества в ее повседневном бытии. В своем творчестве Й. Хейзинга проводит типологизацию культур, мифологический анализ культурно-исторических эпох, социальных утопий и чаяний цивилизации. Большое количество научных трудов, в том числе известная работа «Осень Средневековья», посвящены кризисным, переходным эпохам, в частности реформации, Ренессансу, ситуации в Нидерландах в XVII в. Основой человеческого общежития Й. Хейзинга считает игру, ее цивилизационную роль видит в следовании добровольно установленным правилам, в обуздании стихии страстей («Человек играющий»). В своей книге «В тени завтрашнего дня» он характеризует нравственную миссию исторического познания как преодоление человеком пределов своей жизни, «трансцендирование» своих возможностей. Понятие культуры для Й. Хейзинги связано прежде всего с самосознанием свободного, нравственно ответственного индивида как члена человеческого коллектива.

Шкуратов Владимир Александрович (р. 1947) – российский психолог, профессор. Автор первого в мире учебника по исторической психологии. В своих работах В.А. Шкуратов анализирует развитие психологии человека на разных этапах человеческой цивилизации и истории. Первые научные труды ученого связаны с критическим анализом зарубежной исторической психологии, в частности ряд работ посвящен школе И. Мейерсона. В.А. Шкуратов организовал первую в России конференцию по исторической психологии. В своих работах ученый впервые провел исторический анализ провинциальной ментальности в России. Докторская диссертация выполнена на тему «Проблема синтеза культурологии и психологии в исторической психологии». Многочисленные

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

исследования В.А. Шкуратова посвящены взаимосвязи культурно-исторических и психологических феноменов. Результаты этой работы опубликованы в книге «Психика. Культура. История: Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии». В.А. Шкуратов активно занимается проблемами психологического воздействия средств массовой информации. Международное признание получила его аналитическая работа «От Манхэттена до «Норд-оста»: Психология масс-медиа, политика после 11 сентября 2001 г.».

Эльконин Даниил Борисович (1904 – 1984) – российский психолог. Профессор Московского государственного университета. Представитель научной школы Л.С. Выготского, совместно с которым изучал проблемы детской игры. Эти исследования в дальнейшем легли в основу его книги «Психология игры». Д.Б. Эльконин является основателем собственного научного направления в детской и педагогической психологии, создателем теории периодизации детского развития и детской игры. Результаты изучения речи легли в основу его книги «Развитие устной и письменной речи учащихся», в которой он обосновал методику обучения детей чтению. Д.Б. Эльконин создал учебники-тетради для четырехлетней начальной школы и учебники по русскому языку для народностей Крайнего Севера. Многие годы он работал сотрудником Института психологии, где заведовал лабораториями психологии младших школьников, психологии подростков, диагностики психического развития школьников. Д.Б. Эльконин является автором учебника «Детская психология», сотен научных трудов, посвященных проблемам теории и истории детства, психического развития детей разных возрастов, психологии игровой и учебной деятельности, психодиагностики, а также вопросам развития речи ребенка и обучения детей чтению.

Эриксон Эрик Хомбергер (1902 – 1994) – немецко-американский психолог. Основатель эгопсихологии. В 1933 г. переехал из Германии в Соединенные Штаты Америки, где работал в Бостонском и Гарвардском университетах; позже переехал в Йель, а затем в Беркли, где проработал более десяти лет. В своей книге «Детство и общество» Э. Эриксон показал, что жизненный цикл определяется возникновением и разрешением кризисов, благодаря которым индивид реализует свои возможности. В работах «Понимание и ответственность» и «Идентичность: юность и кризис» Э. Эриксон подчеркивает биосоциальную природу и адаптивный характер поведения личности, интегративным качеством которой он считает психосоциальную идентичность. Субъективно переживаемая как «чувство непрерывной самотождественности» психосоциальная идентичность базируется на принятии личностью целостного образа себя («Я-концепция») в единстве с ее многообразными социальными связями. Развитие неврозов Э. Эриксон связывал с глубокими потрясениями в

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

жизни общества, психотерапевтическая работа при этом должна быть направлена на восстановление идентичности пациента. В книге «Молодой Лютер» Э. Эриксон развивает теорию формирования тождества личности, предлагает концепцию «моратория» – периода видимого бездействия или отстранения, поиска и размышлений, предшествующего периоду зрелости. В работах «Жизнь и исторический момент» и «Истина Ганди» проанализировано значение отдельного человека в историческом процессе.

Юнг Карл Густав (1875 – 1961) – швейцарский психолог, психиатр и психоаналитик, основатель аналитической психологии. Защитив диссертацию «К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов», организовал в Цюрихе экспериментальную лабораторию, в которой разрабатывались методы психиатрической диагностики, в том числе методика ассоциативного эксперимента. В 1913 г. порвал с З. Фрейдом и интенсифицировал разработку собственных психологических воззрений, которые составили основу созданной им аналитической психологии — одного из наиболее представительных течений глубинной психологии. В работе «Структуры бессознательного» К.Г. Юнг развил представление о существовании в психике человека, наряду с индивидуальным бессознательным, более глубокого слоя – коллективного бессознательного, содержание которого составляют общечеловеческие первообразы – архетипы (образ матери-земли, мудрого старца, героя), среди которых центральная роль принадлежит архетипу «самости» – потенциальному ядру личности. Считал, что архетипы лежат в основе мифологии, символики сновидений, художественного творчества и т.д. Предложил типологию характеров на основе двух признаков: по ориентированности установки (экстраверсия – интроверсия) и по доминирующей функции (мышление, чувство, ощущение или интуиция). Разработал методику ассоциативного эксперимента.

Фромм Эрих (1900 – 1980) – немецко-американский психолог и философ. Основной сферой его интересов было приложение психоаналитической теории к проблемам культуры и общества. Э. Фромм перенес акцент с биологических мотивов человеческого поведения на социальные факторы. Его теория о том, что история творит человека, легла в основу книги «Человек для себя». В этой работе он проанализировал типы социальных характеров, формирующиеся различными культурами, и показал роль гуманистической и авторитарной этики в этом формировании. Спасение от авторитарности Э. Фромм видел в самостоятельности и самосовершенствовании человека. В работе «Величие и ограниченность теории Фрейда» Э. Фромм описал влияние культуры – мировоззренческих схем, господствующих в обществе на мышление исследователя. Жизненный опыт любого отдельно взятого сообщества обус-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

словливает не только «логику», но в известной мере и содержание философской системы. В книге «Искусство любви» Э. Фромм подчеркивает, что человек вынужден выбирать между агрессивностью и покорностью, а противодействовать деструктивности может только разумом и доброй волей. Э. Фромм разработал психотерапевтическую методику гуманистического психоанализа, которая призвана гармонизировать взаимоотношения между человеком, природой и обществом. В психоанализе Э. Фромма проводится различие между принципом «быть» и принципом «обладать». Модус бытия имеет в качестве своих предпосылок независимость, свободу и критический ум.

Ясперс Карл (1883 – 1969) – крупнейший представитель немецкого экзистенциализма, философ, психиатр, психолог, культуролог. Профессор философии Гейдельбергского и Базельского университетов. Культуру К. Ясперс считал трансцендентной и непосредственно связанной с Богом, а создание ее произведений с прорывом человека в сферу осознанных актов и творений духа. Периодизацию истории К. Ясперс проводил на основании христианской концепции. В работах «Философия» и «Философская вера и откровение» он охарактеризовал значение естественнонаучных знаний для философии, которая должна быть не систематической, а носить характер «философствования», представлять собой «духовный процесс», открытый для постановки вопросов и не имеющий завершения. Центральным понятием философии К. Ясперса выступает экзистенция – область человеческого бытия, недоступная изучению. Он подчеркивает историчность экзистенции, то есть постоянное нахождение индивида в определенной ситуации. В книге «Смысл и назначение истории» К. Ясперс выделяет всеобщие, типические и исторически определенные однократные ситуации, среди которых наиболее важными являются исторические, в частности, «предельные ситуации», такие как смерть, борьба, вина, страдание. В работе «Общая психопатология» К. Ясперс проанализировал и уточнил применяемые в психиатрии понятия, ряд его известных работ посвящены анализу психопатологического состояния выдающихся деятелей истории и культуры.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

1. *Белявский, И.Г.* Развитие психолого-исторических представлений / И.Г. Белявский. – Киев: Наукова думка, 1988. – 70 с.
2. *Белявский, И.Г., Шкуратов, В.А.* Проблемы исторической психологии / И.Г. Белявский, В.А. Шкуратов. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1982. – 224 с.
3. *Боброва, Е.Ю.* Основы исторической психологии / Е.Ю. Боброва. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 236 с.
4. *Поршнев, Б.Ф.* О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии / Б.Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
5. *Февр, Л.* История и психология // Л. Февр. Бой за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 97-109.
6. *Шкуратов, В.А.* Историческая психология / В.А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.
7. *Ясперс, К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Дополнительная литература

1. *Асмолов, А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров / А.Г. Асмолов. – М.: Ин-т практ. психологии, 1996. – 767 с.
2. *Вебер, М.* Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 702 с.
3. *Гуревич, А.Я.* Уроки Люсьена Февра // Л. Февр. Бой за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 501-542.
4. *Демоз, Л.* Психоистория Л. Демоз. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 509 с.
5. *Коул, М.* Культурно-историческая психология: Наука будущего / М. Коул. – М.: Когито-центр: Ин-т психологии, 1997. – 431 с.
6. *Леви-Брюль, Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 602 с.
7. *Фрейд, З.* Тотем и табу / З. Фрейд. – М.: АСТ, 2004. – 253 с.
8. *Фрейд, З., Буллит, У.* Томас Вудро Вильсон. 28 президент США: Психологическое исследование. – М.: Прогресс, 1992. – 288 с.
9. *Шкуратов, В.А.* Психика. Культура. История. (Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии) / В.А. Шкуратов. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1990. – 251 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ 3

Раздел 1. МЕСТО И РОЛЬ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН 4
Тема 1. Предмет исторической психологии и ее место в системе современного гуманитарного знания 4
Тема 2. Основные этапы развития историко-психологической мысли 7

Раздел 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПРИНЦИПЫ И ПОНЯТИЯ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 15
Тема 3. Французская историческая психология 15
Тема 4. Американская психоистория 22
Тема 5. Немецкая критическая историческая психология 34
Тема 6. Отечественное историко-психологическое направление 35

Раздел 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА 45
Тема 7. Психология первобытности 45
Тема 8. Психология античности 56
Тема 9. Психология средневековья 70
Тема 10. Психология Нового времени 77
Тема 11. Психология современности и постсовременности 85

ПЕРСОНАЛИИ 90

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ 102
Дополнительная литература 102

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Учебное издание

Старовойтов Александр Леонидович

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Курс лекций

Технический редактор *А.Н. Гладун*
Компьютерная верстка *А.Л. Позняков*

Подписано в печать 2.11. .2010.
Формат 60x84/16. Гарнитура Petersburg.
Усл.-печ. л. 6,1. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 50экз. Заказ № 477.

Учреждение образования "Могилевский государственный университет
им. А.А. Кулешова", 212022, Могилев, Космонавтов, 1
ЛИ № 02330/278 от 30.04.2004 г.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
УО "МГУ им. А.А. Кулешова". 212022, Могилев, Космонавтов, 1

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова